

АЛИНА КУЗНЕЦОВА

**ПОЛНОЧНОЕ
СОЛНЦЕ**

D E L I B R I

Москва
2019

УДК 82-992
ББК 84 (4Рос)
К89

Кузнецова, А.
К89 Полночное солнце / А. Кузнецова. — М.: Де'Либри, 2019. — 150 с.

ISBN 978-5-4491-0202-7

Не много найдется людей, готовых сказать: «Я люблю Арктику и хочу жить там!» Главная героиня, девушка 24 лет, расскажет всему миру, как этот суровый край завоевал ее сердце. Ее глазами мы увидим, как ледяная пустыня превратится в одно из самых красивых мест на планете, как холодный заполярный остров станет почти родным. Мы узнаем, как, несмотря на все препятствия и трудности, в совершенно чужом краю найти друзей, преодолеть страхи, с честью пройти все испытания и раскрыть в себе новые черты характера.

Эта правдивая история покори́т читателей своей искренностью, оптимизмом и верой в жизнь.

УДК 82-992
84 (4Рос)

ISBN 978-5-4491-0202-7

© А. Кузнецова, текст, 2019
© Де'Либри, издание, оформление, 2019

Turpe est non ire, sed ferri.
Стыдно не идти, а плыть по течению.

Лат. пословица

*Посвящается всем тем,
кто ещё не разучился мечтать*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никакая история, рассказанная не с начала, не может считаться полноценной, поэтому вот начало моей собственной истории, правдивой и невыдуманной.

Лет в 15 я впервые попала на Север, и с тех пор мне не нужно было ничего так же сильно, как вновь очутиться там. В 16 я снова оказалась в этих краях. Шли годы, я росла, мои маршруты росли вместе со мной. К окончанию университета я побывала в Карелии, Хибинах, на Соловках, полуострове Рыбачий, острове Кильдин и Чукотке. Есть красивая легенда, что каждый человек родился не там, где должен прожить свою жизнь, свою настоящую родину ему лишь предстоит отыскать, и если он найдёт её, то будет вечно счастлив. Некоторые находят, некоторые находят счастье в самом пути, а кто-то вынужден всю жизнь прозябать там, где он несчастлив. Когда я впервые попала на Север, то поняла — вот она, моя большая малая Родина. Это место, к которому я буду стремиться всю жизнь, не зная в разлуке ни покоя, ни счастья.

Меня зовут Алина, я родилась в Москве, но однажды я решилась и изменила всю свою жизнь, отправившись с сестрой работать и жить на полгода по контракту в один маленький шахтёрский посёлок. За этот промежуток времени много чего пыталось убить мою мечту и убедить меня, что мои чувства к «приёмной» малой Родине — это всё романтическая блажь. Не вышло. Поэтому я хочу рассказать свою историю, чтобы и остальные не сдавались и не предавали себя и Арктику.

ГЛАВА 1

ВНЕЗАПНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ МЕЧТЫ

Орешко откинулся в кресле и провёл ладонью по столу.

— Та-ак, хорошо... Хорошо... Это мы обсудили. Резюме у вас прекрасные, вы идеальные кандидатуры для нас. Главное ведь что? Вы молодые, вам всё по плечу, вы со всем справитесь. Да и потом вы вдвоём. Хорошо-о...

На дворе стоял конец декабря, город окунулся в предновогоднюю суматоху, Орешко явно устал и с нетерпением ждал заслуженного отдыха. На его мясистом лице грустно поблёскивали огромные бульдожьи глаза. Он был мужчиной крупным, но с каким-то необычайно тонким голосом, который категорически с ним не сочетался. Я сидела в его кабинете в деловом костюме, как и положено на собеседованиях, смотрела на Орешко, верила и в то же время не верила: скоро я буду жить в Арктике. В углу стояла высокая наряженная ёлка, такая же чужеродная в этом казённом помещении, как тонкий голос Орешко.

— Вы же на полгода сначала? Это правильно, а там понравится — и на полярную ночь задержитесь. У меня в памяти она как осталась? Иду я по улице, и вокруг всё чёрное, а передо мной оранжевый фонарь будто в воздухе застыл. И не видно ничего вообще, кроме этого фонаря. Как в космосе...

Орешко травил байки ещё около часа, и, когда мы вышли на улицу, совсем стемнело. Снег, который окончательно лёг в тот год ещё в ноябре, искрился под ночным фиолетовым небом, в витринах мигали разноцветные гирлянды, люди сновали туда-сюда по улице. Нам с сестрой Сашей не хотелось домой,

и мы долго блуждали по Москве, заглядывая в праздничные витрины.

Вообще всё началось немного не так. Несколько месяцев назад, вернувшись из очередной экспедиции по Чукотке, мы поняли, что пора что-то менять, связались со школой в чукотском посёлке Провидения и напросились туда работать. Брли нас туда с одним условием — ехать надо минимум на три года. Это было страшно, но мы согласились и даже начали было собирать вещи, как вдруг дождливым осенним вечером нам на глаза попало другое объявление: директор школы в арктическом посёлке ищет учителей, контракт длится всего-то полгода. Недолго думая, мы написали директору (точнее, директрисе), совершенно не надеясь на ответ, ну а уже через сутки мы договорились о собеседовании. Прошло оно вполне удачно, вопрос теперь стоял за начальником отдела кадров. Потянулись долгие, томительные недели ожидания, прошёл месяц, другой, наступила зима, а звонка от него всё не было. Параллельно с этим нам звонили с Чукотки, требуя ответа, когда мы приедем — мы тянули, как могли. И вот, в двадцатых числах декабря мне позвонили.

— Говорит Орешко, начальник отдела кадров, — произнёс странный тонкий голос. — Мне необходимо с вами встретиться.

На следующий день мы сидели в офисе треста и слушали рассказы Орешко. А послушать было что, и про комфортную отопляемую квартиру, и истории вроде «да, белых медведей на архипелаге и правда больше, чем людей, но в посёлки они не заходят и на людей не нападают, разве что очень редко, но это ж голову свою на плечах надо иметь». Из офиса Орешко мы вышли глубоким вечером и с не вполне внятным ответом: нас уже взяли на работу директор школы, начальник отдела кадров, оставалось получить подтверждение со стороны генерального директора компании. Последний мог как взять нас, так и отказать. «Да это ж сколько людей мечтает быть на нашем месте? —

рассуждали мы с Сашей. — могут ведь и не взять». Наступил Новый год, январь, февраль... Тишина. Наконец, утром седьмого марта, когда надежда еле теплилась, на моём телефоне раздался звонок. В трубке я услышала знакомый голос:

— Алина Игоревна? Ваши с Александрой кандидатуры утвердили, вы едете в Арктику. Поздравляю. Вылет 27 марта, жду вас в ближайшее время на подписание контракта. Вы будете работать помощником воспитателя детского сада, а Александра — учителем начальных классов.

— П-помощником? Погодите, кажется, речь шла о воспитателе или об учителе английского...

— Да не переживайте. Как приедете, сделаем воспитателем. Дети у нас очень хорошие, воспитанные, замотивированные, учиться хотят, ну а вы что? Молодые, бояться нечего, к тому же я тут на днях связывался с руководителем местного турбюро, так вас и там ждут. Летом придётся вам ездить по всяким морским экскурсиям.

Это было странно. Но любовь к Арктике оказалась сильнее, так что вскоре мы подписали контракт и начали готовиться к отлёту. Весна в Москве была в самом разгаре, на деревьях набухали почки, ярко-голубое небо сияло каждый день с утра до вечера, снег к этому времени почти растаял, и все ходили по улице в лёгких куртках и ботинках. Окружающие посмеивались: обычно, если уж летят, то из зимы в лето, а у нас наоборот. Ну и пусть: впереди ждало незаходящее полярное солнце, птичьи базары, ледяные брызги моря и синие горы на горизонте. Ночами я закрывала глаза и представляла уютный посёлок на берегу арктического моря, небольшую школу с умными, добрыми детьми и свою жизнь, которая наконец-то повернула в нужное русло.

Последние две недели перед вылетом пронеслись галопом: мы с Сашей пытались срочно продумать тысячу мелочей, кото-

рые могли бы пригодиться нам на новом месте. Например, пришлось быстро докупать чайник, сковородку, полотенца, ещё директор школы сообщила нам, что в посёлке проблемы с посудой, да и термобелья внезапно оказалось недостаточно. Мы лихорадочно каждый день пересматривали фотографии посёлка, следили за погодой там, а вечерами, падая на подушку без сил, я уже видела широкую улицу, вымощенную бетонными плитами, яркие красно-бежевые здания и горы, покрытые снегом.

Наш знакомый, узнав, что мы едем в Арктику на целых полгода, с радостью вручил нам переносную автономную метеостанцию. Ему это нужно было для научных статей.

— Это небольшой чемоданчик, совсем маленький. Вы его только в белую краску покрасьте.

— Зачем?

— Ну, все метеоприборы должны быть белого цвета.

— А твой прибор почему чёрный?

— У производителя белого цвета не было.

«Небольшой чемоданчик» нам доставили прямым из Санкт-Петербурга как раз накануне вылета. Вообще говоря, он был вовсе не «небольшой», весил 8 килограммов, да и напоминал полумифический ядерный чемодан. Даже зловещая красная кнопка имелась.

— Вы просто учёным отдайте его и забудьте на полгода, вы летите с Сергеем Кашиным, он поможет. Вот. Потом обратно только привезите. Ну, я пошёл? — и наш знакомый на долгие месяцы растворился в московской толпе.

...Последний вечер решено было провести на крыше «Детского Мира». Со всех сторон на нас смотрела своими старинными окнами вечно бодрствующая Москва. Внизу хаотично и беспорядочно в ожидании надвигающейся весны шли люди: офис-менеджеры, неработающие матери, развесёлые, чуть выпившие студенты, академики и профессора, зазевавшиеся тури-

ПОЛНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

сты, одинокие влюблённые. Им нет до меня ровным счётом никакого дела, они никогда не узнают, что в этот тёплый мартовский вечер с крыши «Детского Мира» на них смотрела я. Когда солнце совсем скрылось из виду, я прощальным взглядом окинула Москву. Город, в котором я выросла. Город, в котором я, надеюсь, стала человеком. До свидания, Москва. Какой ты будешь, когда я вернусь? Да и какой буду я?

ГЛАВА 2

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К СУГРОБАМ И ОЛЕНЯМ

В утро вылета погода, по закону подлости, заметно испортилась: мокрый снег комьями падал с неба, а в какой-то момент пошёл ещё и дождь. Оно и к лучшему, потому что из такой серой и неприветливой Москвы хотелось сбежать поскорее.

В родном Домодедово, несмотря на раннее утро, царили хаос и суета, сновали толпы людей с рюкзаками, чемоданами, баулами... «Людочка! Позвони, как приедешь! Целуй маму!», «Витя, ты ничего не забыл?», «Когда вы приземляетесь?» — смачные звуки прощальных поцелуев, вскрики, топот... В этом гуле мы спокойно сдали багаж, спокойно прошли к выходу и спокойно засели в самолёте, как вдруг:

— Меняем борт, а то багаж не влезает, — объявил пилот.

По салону прокатился полный страдания стон: ранее утро, все не спали, устали, слякоть за окном, только расслабились, и тут опять надо совершать разные телодвижения, и эта возня часа на два минимум. Был в ситуации и плюс: ничто так не объединяет людей, как общие страдания, а чувство единения было очень кстати, потому что толпа желающих попасть в Арктику собралась крайне разнопёрая. Тут были и учёные, и шахтёры Донбасса с жёнами и детьми, и этих детей нам предстояло учить.

В зале ожидания мест не оказалось (естественно), поэтому мы притулились у колонны, пытаясь дозвониться родителям и сообщить, что рейс задерживается. Я незаметно оглядывалась

по сторонам: около нас стоял высокий, подвыпивший шахтёр. Он громко и заразительно смеялся, а чуть позже подошёл к нам и представился:

— Николай, из Луганска. А это вы учительницы? А-а-а, так я сразу так и подумал. Вас в хороший дом поселят. Мне уж в офисе сказали, что меня туда не поселят, потому что две учительницы едут — вы, значит. Ой, да шо там, не извиняйтесь! Нема вопросов, я в этом посёлке уже который год, всё там знаю. Вы будете, значит, в «двадцатьдевятке» жить, это Рублёвка местная, на отшибе стоит, идти оттуда далеко — минут десять.

Николай впервые попал в посёлок в 2013 году. Сначала ему там нравилось, но потом, когда на Украине началась война, он стал ездить по необходимости: дома, говорит, работы нет совсем, а для работы в России нужно либо гражданство, либо вид на жительство. Вот и приходится ему ездить в надоевшую Арктику. Посёлок он знает хорошо, по всем вопросам, касающимся быта, можно смело к нему обращаться: поможет, расскажет и подскажет, ведь иначе в Арктике трудно. Тут надо жить по правилу «Человек человеку друг, соратник и брат», говорит. Что ж, это ободряет.

Посадка, четыре часа полёта, под нами показались острые, покрытые снегом горы архипелага, и внутри всё тонко-тонко задрожало от восторга. Вот она, моя арктическая жизнь. Началась!

* * *

По пустому аэропорту медленно бродили люди. Выдача багажа, как во всех небольших городах, сильно задерживалась, делать было нечего. Толпу явно можно было разделить на группы: вон в углу в больших красных и зелёных куртках стоят учёные, вот шахтёры вернулись из отпуска и теперь радостно приветствуют тех, кто в отпуск только собирается. У приехавших в пакетах дьюти-фри призывно звенят бутылки: в посёлке установ-

лен лимит — в месяц не более литра водки и не более двух килограммов сахара на человека. Всё это можно купить только по специальным талонам, которые выдаются каждому на месте.

Мы, наконец, стащили свои неподъёмные чемоданы с ленты и стояли в раздумьях, когда к нам подошла высокая молодая женщина. Это была директор школы.

— Ну как добрались, всё хорошо? У нас тут, видите, зима ещё вовсю, а я в отпуск еду на пару недель. Вы, главное, не пугайтесь там ничего, коллектив у нас непростой. Если что-то понадобится — обращайтесь к Софии Михайловне, она завуч, сейчас в школе за главную остаётся. О, вот и по вашу душу! Ну, ладно, удачи ещё раз, я побежала, регистрация на рейс началась!

В здание аэровокзала вошёл высокий темноволосый человек, на вид около пятидесяти лет, среднего телосложения, с первого взгляда ничем не примечательный. Хотя, погодите, глаза у него какие-то особенно глубоко запавшие, да и лицо походило на череп, обтянутый желтоватой кожей... «Завхоз!» — прокатился по аэропорту шёпот, и разнопёрая толпа как-то притихла и поникла.

— Уважаемые вновь прибывшие и вернувшиеся из отпусков! Прошу уделить мне ваше драгоценное внимание! Для тех, кто в первый раз, поясняю: в посёлок летим на вертолёте, вещи берём с собой. Сейчас я буду озвучивать, кто каким бортом летит. После того, как я озвучу, все **ОСТАЁМСЯ НА СВОИХ МЕСТАХ**, не разбегаемся никуда, я не буду потом бегать и искать вас. Добирайтесь потом сами, как хотите. Так, далее, когда вы прилетите, вас заберёт автобус и развезёт по домам, там же вам выдадут специальные карточки, которыми вы будете расплачиваться во время пребывания в посёлке. Ну что, первым бортом летят...

Когда мы подходили к вертолёту, таща тяжёлые чемоданы, нас чуть не сдул сильный ветер. Подходить пришлось согнувшись и низко опустив голову, далее — 15 минут полёта и мы приземлились в непонятном месте среди сугробов и заснежен-

ных гор. Справа чернел незамерзающий чёрный фьорд. Казалось бы, картина суровая, но почему-то именно чёрные воды и заснеженные горы спугнули остатки страха, прицепившиеся ещё с Москвы: да я же всё-всё смогу, когда рядом такая красота!

Сразу с вертолёта всех погрузили в автобус, выдали обещанные карточки и повезли по дороге к посёлку. Нас с Сашей высадили у большого бежево-розового дома с двумя подъездами. Некоторое время мы стояли там, дрожа от холода (на улице стоял крепкий мороз, а мы были в осенних пальто), и не знали, в какой из подъездов нам заходить. В итоге решили зайти в ближайший, где сразу наткнулись на какую-то женщину в тёплом свитере и ватных штанах. Она что-то долго-долго говорила, что она, мол, комендант, и что нам надо подписать какие-то бумаги, и что она зайдёт к нам позже с постельным бельём и ещё чем-то... Главное, что она вручила заветный ключ с биркой «49».

— Идите прямо, ваша квартира во-о-он в том конце, как раз напротив моей.

Выяснилось, что весь дом, оказывается, можно пройти насквозь. По пути мы встретили улыбчивого мужчину в тёплых красных штанах и свитере.

— Михаил, школьный математик, — бодро отрапортовал он и сразу взял наши чемоданы.

Мы зашли в квартиру и оказались в небольшом, но весьма просторном коридоре. Дверь спереди вела в маленькую и довольно бесполезную комнату, ещё одна дверь — в большой санузел и ещё одна — в спальню-гостиную-кухню, эдакий 3 в 1. Математик откланялся, мы задумчиво попили чай, посмотрели в фиолетовые сумерки и легли. Ночью мне снилась хорошо знакомая улица с разноцветными пятиэтажками, я шла по ней, пока не упёрлась в синее здание, на котором белыми буквами было написано «Новомариинский». «Постойте-ка, это Анадырь, но ведь я не там», — подумала я и резко подскочила.

В окно пробивался яркий луч солнца, на улице, несмотря на ранний час, было совершенно светло. Саша всё ещё спала, и вся квартира погрузилась в прозрачную звенящую утреннюю тишину. Сначала я просто лежала, рассматривая своё новое жилище: вся квартира была оклеена белыми с крупными цветочками обоями, вдоль стен стояла недорогая мебель цвета ореха — стулья, шкафы и большая кровать, которая упиралась прямо в небольшой стол, накрытый белой скатертью, посуда только та, что приехала с нами из Москвы, провода холодильника и микроволновки вытянулись по полу в безуспешной попытке дотянуться до розетки в стене.

А ещё утренняя тишина была ледяной. Из-за очередной аварии на ТЭЦ в дома плохо подавалось тепло. Чуть тёплая вода лилась из крана, смеситель в ванной, скорбно крякнув накануне, и вовсе отказался работать. Вечером мы даже ходили в пуховиках. Но это казалось нам такими мелочами, ведь всё вокруг выглядело ужасно интересным, новым, и нам не терпелось поскорее начать тут жить.

Саша, наконец, проснулась, и мы, дрожа от холода, сели пить чай. Мимо нашего окна гордо, насколько это позволяла его полная неуклюжая фигура, прошёл олень. За ним ещё один, и ещё. Сейчас, без рогов, они напоминали толстых волосатых коров с небольшими, вечно удивлёнными глазами. Поразительно, как только они умудряются добывать себе скудный корм из-под огромной толщи снега и при этом оставаться такими упитанными!

Выпив чая и налюбовавшись оленями, нам пришлось выбраться из дома и отправиться на исследование посёлка, который накануне мы почти не видели.

Наша знаменитая «двадцатьдевятка» и правда стояла на отшибе, в отдалении от остальных зданий, как и обещал вчерашний шахтёр Николай в аэропорту. Прямо около дома был доволь-

но глубокий овраг с сугробами выше моего скромного роста, и пройти там было нельзя. У крыльца висел график уборки снега: предполагалось, что жители каждой квартиры в определённый день должны очищать ступеньки крыльца от снега. Наша квартира, согласно графику, должна была это делать каждое девятое число.

Мы вышли из дома и позвонили Николаю. В девять часов у всех вновь прибывших намечалось собрание в каком-то здании, и надо было подписать обходные листы, но мы понятия не имели, где всё это находится.

В 8:55 мы приблизились к красно-бежевому зданию и поднялись на крыльцо. «Административно-бытовой комплекс рудника» — гордо гласила чёрная табличка у двери. Для краткости — АБК. Несмотря на красивую обшивку, внутри законсервировались настоящие 1990-е. Бесконечно длинные обшарпанные коридоры вели в разные стороны, иногда пересекаясь друг с другом, по ним бродили люди в толстых синтепоновых штанах, в руках у некоторых были какие-то бумажки, коробки, а в конце коридора в белом халате, со шваброй в руках прохаживалась уборщица. Трудно сказать, чем она была занята, но только не помывкой пола! Николай ловко лавировал из коридора в коридор, из кабинета в кабинет, пока мы не уткнулись в толпу людей. Почти все они были шахтёрами, приехавшими вчерашним чартером. В руках у каждого были обходные листы.

— Надо же, у вас такие же! Зачем вам-то в ламповой подпись ставить? Тю-ю-ю, и в бане тоже! — рассмеялся какой-то пожилой шахтёр с аккуратной окладистой бородкой. Рядом с ним стоял абсолютно круглый человек в чёрной с мелкой синей полоской шапке. Под глазами у него были серо-жёлтые мешки, почти идеально круглые, как и он сам.

— Первый раз? Я тоже. Если понравится — продлюсь ещё на полтора года.

— А вы же учительницы, да? — вновь насел первый. — Ну и как вы учить будете? Я сюда семью планирую выписать, мне это всё надо знать!

К счастью, этот разговор пришлось прервать, потому что наступила наша очередь ставить подпись, и, когда мы вышли из кабинета, нас ждал спасительный Николай.

— Пошли быстро в ламповую, потом в баню, а там на собрание.

Спускаясь по бесконечным жёлтым вытертым лестницам вниз, мы попали в тёмное, неприятное помещение. Стены были выкрашены в тёмно-зелёный цвет, но из-за практически полного отсутствия света этого не было видно. В стене зиял натуральный пролом, перегороженный чёрной металлической решёткой, посреди которой образовалось что-то вроде окна раздачи. За ним стояла женщина лет 40 с пережжёнными осветлителем соломенными волосами. Чуть полноватую фигуру обтягивала бойкая розовая флисовая кофта и синтепоновые штаны, довершало картину удивительно приятное и мягкое лицо. После того как она подписалась в обходных листах, мы отправились в баню путаными тёмными лабиринтами, в которых запутался бы сам Минотавр, вдобавок проходящими через мужскую раздевалку (мы смутились, а вот шахтёры, её заполонившие — отнюдь) они привели нас в очередную комнату к монументальной барышне с причёской «а-ля Раневская», россыпью ярко-жёлтых колец и белым халатом.

— О, Коля приехал. Надолг'а? — спросила она с характерным украинским «хэканьем». Впрочем, тут, в посёлке, оно весьма распространено и так переплетено с русским языком, что к этому быстро привыкаешь. — Девочки, а вам зачем моя подпись? Вы же в школу. Ладно, распишусь.

И откуда все знают, что мы в школу приехали работать? Загадка...

Собрание проходило в просторном коридоре, куда натаскали стульев. Сначала выступал маленький круглый человечек. Говорил он долго, заковыристо, прикрывая от важности глаза и драматично вздыхая посреди фраз. Из его речи мы уяснили, что в посёлке нельзя пить. Но, если мы уж решили выпить, то надо хотя бы выключить плиту. К туристам на улицах нельзя пристаывать и просить их выменять какие-то вещи. Лучше вообще обходить их стороной, да. А вот здороваться надо, причём со всеми. Кстати, всем в магазине промтоваров желательно купить ледоступы, иначе произойдёт «оскольжевание». Если все перечисленные правила не будут соблюдаться, то ваш покорный слуга-оратор лично «порвёт трудовой кодекс». Интересно, как он это сделает своими маленькими пухлыми ручками? Я даже начала представлять сие действие в красках, но полёт воображения прервал вчерашний завхоз из аэропорта. То ли от того, что я была настроена смотреть на всё исключительно с положительной точки зрения, то ли ещё почему, но он показался довольно приятным мужчиной, хоть и угрожающе властным местами.

После собрания пришлось посетить местную больницу, где нам лишний раз напомнили о запрете пить и буяннить, и главврач, похожий на большой и косматый знак вопроса, зачем-то многозначительно изрёк: «А математик тут всем двоек понаставил. Все страшно им недовольны».

Оставалось главное место для нас в посёлке — школа.

ГЛАВА 3

ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

О, школа, царство двоек, детских слёз и невыспавшихся людей. Надо сказать, в школе я уже проработала несколько лет, репетитором — ещё больше. И о подростках я знаю, пожалуй, всё. Только вот тогда мне это не помогло.

Дело в том, что школа на руднике совмещена с детским садом, в котором я должна была работать. Перспектива взаимодействовать с такими маленькими детьми меня, честно сказать, пугала, потому что я раньше никогда ничего подобного не делала. Более того, после разговора с директором школы и товарищем Орешко в Москве у меня создалось смутное впечатление, что я буду работать не в младшей или старшей группе, а в детском саду вообще. Неопределённости добавляла подпись «помощник воспитателя школы-детского сада» в моём контракте. Представьте, какая каша творилась у меня в голове на момент приезда в посёлок: я приехала работать «в сад вообще», понятия не имела, что надо делать с детьми, мозг мой распух от наставлений и назиданий более опытных товарищей, оставшихся, как назло, в Москве. Хотя есть что-то мотивирующее в таком хаосе.

Итак, кирпичное здание школы, расписанное сюжетами из русских сказок и животными Арктики, находилось через дорогу, а вернее, через титанический сугроб от АБК и имело сразу пять выходов. Искать нужный пришлось методом совершения круга почёта, и нам в целом это удалось. Рядом с дверью висела табличка «Школа-Детский сад» (о, эта неопределённость) и расписание, где почему-то написано, что детский сад работа-

ет с семи утра. «Глупости! — я решительно отмела эту идею. — Невозможно работать с семи утра! Это, верно, кто-то другой так работает, не я».

Внутри дверей было ещё больше, но, на счастье, нам навстречу вышла высокая женщина лет 50 с короткими тёмными волосами.

— София Михайловна! — представилась она. — А мы вас уже с самого утра ждём. Проходите сюда, тут у нас раздевалка, сейчас я вам тапочки принесу.

Она толкнула одну из дверей и куда-то скрылась. Да, тапочки — особенность посёлка, при входе в помещение всегда необходимо переобуваться: зимой из-за снега, а летом из-за угольной пыли.

В школе, несмотря на каникулы, было много детей.

— Они сюда на каникулах поесть ходят, — объяснила София Михайловна. — Впрочем, это Александры Игоревны касается, а в детском саду каникул нет. Пойдёмте, я вас с коллегами познакомлю.

Коллеги обитали в кабинете математики, по совместительству — кабинете информатики и учительской.

— Коллеги, знакомьтесь! Александра Игоревна и Алина Игоревна!

— А кто из вас будет в саду работать? — спросила полноватая женщина с длинными светлыми волосами.

— Я так понимаю, что я...

— Будете с моим сыном!

— Да я не знаю ещё...

— Мы зато всё знаем!

Что ж, ну хоть кто-то.

Детсад располагался на втором этаже, и там нашим Вергилием стала молодая симпатичная девушка Варя. В спальне на маленьких кроватках спали дети, завернувшись в одеяла с оранжевыми пододеяльниками. Варя внесла долю ясности в мою жизнь:

оказывается, меня определили в ясли, но пока непонятно, воспитателем или помощником.

К детям нас решено было допустить со следующего дня, после чего София Михайловна вручила обходные листы и направила нас к некой «Инструкции» в АБК. «Инструкцией» оказался тот самый маленький круглый человечек, рассказывавший нам на собрании про «оскольжевание» и разрыв трудового кодекса.

— Так, новенькие, — заключил он и вздохнул посреди фразы. — Так-так-так... Вот, возьмите, читайте.

— А что это?

— Как это, что?! Ну как, что?! Это ваши трудовые инструкции, как вы работать-то без них будете, ну! Без инструкции никак ведь нельзя! Эти, правда, у меня позапрошлогдние, но вы зайдите попозже, я вам поновее найду, обязательно!

Так вот почему «Инструкция».

София Михайловна успела сделать в тот день ещё одно доброе дело — помогла нам разжиться посудой, утюгом и прочим необходимым скарбом. Кроме того, мы и сами успешно совершили вылазку в магазин промтоваров за удлинителем, так что вечером искрящийся под незаходящим солнцем снег Арктики выглядел гораздо уютнее, пока в квартире весело кипел чайник, гудела микроволновка и бурчал холодильник. Жизнь-то наладилась.

ГЛАВА 4

ДВА РЁВЫ, ОДИН ТАЙФУН И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Утреннюю тишину взорвали звуки какой-то адской музыки. Я подпрыгнула на кровати, быстро выключила будильник и взглянула на часы. 6:00. Саша ещё спала, ей на работу надо было в какое-то вменяемое время.

«Зато ты в Арктике!» — назидательно напомнила я себе. Напоминание, впрочем, было лишним: Арктика опять сама пробралась в комнату, даже рефлектор, или «камин», как его тут называют, не слишком поправил дело. Этот самый «камин» нам накануне принёс Николай. Вообще, надо сказать, он не раз нас выручал, за что мы ему очень признательны и благодарны.

Итак, включив камин, попутно подпрыгивая от холода, я налила воды в чайник и отправилась за одеждой в соседнюю комнату. Вот уж где было царство Снежной Королевы! Если в зале, где мы спали с закрытой дверью и включённым рефлектором, можно было прилично существовать, то тут был настоящий холодильник, разве что стены инеем не покрылись. Дома у меня есть книга Виталия Воловича о его жизни на дрейфующей станции «Северный Полюс». Там он весело описывает, как по утрам у них было холодно в палатке и как к завтраку становилось тепло: всего-то минус пять градусов у пола.

...Позавтракав и нацепив на себя всё, что только можно, я выдвинулась на работу. Скотившись по лестнице (ночью дул сильный ветер, и с вечера намело немало снега, так что лестница те-

перь скорее походила на горку, с которой скатываются дети), я остановилась. Фьорд неподвижно, почти как зеркало, замер около посёлка. Вдалеке справа чётко виднелся ещё один необытаемый остров. Из-за него, разлившись над всем миром, розовело небо. Гора справа белела своими снегами и, казалось, мирно дремала в столь ранний час. Прекрасный мираж проводил меня до работы и тактично рассеялся с сильным порывом ветра, когда наступило время заходить в помещение.

В школе было тихо, только повар на кухне уже гремел своими кастрюльками. Я открыла дверь детского сада и гордым орлиным взором окинула свои владения. Итак, я стала хозяйкой маленькой раздевалки с детскими шкафчиками, большой игровой комнаты с цветами и аквариумом, маленького подсобного помещения, детского санузла и спальни. Там же, в шкафу, стояла огромная подборка методической литературы. Я ринулась туда и извлекла на свет небольшую книгу под названием «Развиваем детей. 2–4 года». Открываю и начинаю читать: «Если вы заметили грустинку, развеселите малыша. Для этого...» Нет, это никуда не годится. А вот занимательную игру из другой методички можно опробовать прямо сейчас.

Пока я срочно постигала азы педагогической науки, в группу зашёл растерянный папа в очках и маленький темноволосый мальчик. Папа долго уговаривал сына раздеться, тот поднял свои большие, широко распахнутые глаза и оглушительно разревелся. Далее дверь в игровую приоткрылась, и женская рука втокнула светловолосого ребёнка лет трёх. Он немедленно зажмурился, согнул немного ноги в коленях, раскрыл рот, обнажив ряд жёлтых зубов, и присоединился к собрату. При этом в рот ему то и дело попадала капля из носа. Затем вошёл ещё один папа с маленькой кудрявой девочкой. Девочка хитро посмотрела на меня, одёрнула своё пышное розовое платье и ринулась к аквариуму с рыбками. Туда она сразу запустила руку и начала пы-

таться выловить несчастных созданий. Я подошла к ней, стараясь отвлечь от этого пагубного занятия, как меня учили умные люди. Тогда девочка поскакала к игрушкам и начала со скоростью света раскидывать их по всей группе.

Два рёвы, один тайфун, что ждёт меня дальше?

Дальше была невысокая рыжая женщина в синих синтепновых штанах. Она вела за руку светловолосого курчавого мальчика.

— Это мой Лука! — гордо произнесла она, громко поцеловала сына раз десять-пятнадцать и, скрывая слёзы из-за предстоящей разлуки с ним, вышла из детского сада. Лука сразу направился ко мне и усадил меня на пол. При этом я приземлилась на детали конструктора, которые до этого туда накидала кудрявая девочка.

— Алина Игоревна, поиграй со мной. Это робот.

— Ага, а как его зовут? — я ловко увернулась от огромного розового слона, метко пущенного в мою сторону девочкой. Ответ Луки я не успела услышать, потому что в группу вошла вчерашняя полноватая женщина со светлыми волосами.

— Ну как вы тут? Привыкаете? Работа в яслях самая сложная! Я всегда это знала, это очень сложно! Так, вот вам мой Вася. Он у меня шумный, держитесь!

Вася был выше и старше остальных детей. Он никогда не ходил, только бегал и всегда почему-то на цыпочках. Временами он злобно морщил свои пухлые губы и выдавал что-то вроде «не хоц-ц-ц-цу-у-у-у!» или «н-н-не надо-н-н-не надо!» К остальным детям он часто был враждебен, кусал их и даже бил. Впрочем, тогда я ещё не знала этих подробностей, не знала детей и понятия не имела как ими управлять. Ко мне всё прибывали новые и новые дети, одна часть из которых немедленно начинала реветь, а другая присоединялась к кудрявой девочке-тайфуну, и все вместе они весело раскидывали игрушки, конструктор,

книжки, пытались изловить рыбок в аквариуме, поминутно дрались и снова начинали реветь.

Я кидалась от одного ребёнка к другому, то успокаивая их, то отбирая игрушки, то защищая рыбок. Так что появление Вари в этой битве я восприняла с восторгом, как появление засадного полка на Куликовом поле. Она неизменно улыбалась, дети её любили, и с ней в помещение приходило какое-то спокойствие и ощущение, что этот день я всё-таки доживу до конца.

— Все идём кушать, — объявила Варя, повязывая тёмно-синий фартук. — Я сейчас накрою и поднимусь за вами.

Кормление детей тоже оказалось занятием не из лёгких. Это только в рекламе детского прикорма улыбающаяся блондинка подносит ко рту пухлого малыша ложку, и он радостно ест. На самом деле дела обстоят куда более драматично, во многом благодаря Васе.

Когда все построились у двери и приготовились спуститься в столовую, он упал, как подкошенный, на пол и начал громко, протяжно кричать. Поднять его было непросто. «Н-н-не хоц-ц-ц-ц-цу-у-у-у-у-у-у-у-у-у!» и всё тут. Пришлось сделать вид, что все ушли, а он остался один. Затем я открыла дверь и, увидев что ситуация не изменилась, картинно вздохнула и звучно поведала куда-то в коридор, что, кажется, его кашу уже отдали другим детям. Когда Вася успокоился, он сам взял меня за руку, и мы пошли вниз в столовую, но тут с ребёнком случился очередной приступ: он бросился на пол и начал ползти по направлению к двери. Сделал он это так стремительно, что никто и опомниться не успел, как он поднялся на ноги и стремглав помчался по коридору в неизвестном направлении. Мне пришлось срочно бежать за ним и на руках нести обратно. Минут через десять после таких упражнений мы смогли-таки усадить его за стол. Несмотря на то что Вася был большой, есть сам он не умел, приходилось кормить его с ложки. Однако он не всегда желал это делать: сползал

со стула под стол, опять полз к двери, кричал. Смысл этих действий остался за гранью человеческого понимания. Тогда кто-нибудь брал тарелку с его едой и демонстративно уносил, Вася поднимал вой. Еду возвращали, но он снова отказывался есть. Тарелку вновь уносили, и он начинал кричать. После нескольких таких манипуляций, он позволял накормить себя.

После завтрака дети устроили некие игрища: было видно, что им весело и жутко нравится, а мы с Варей ломали голову, сколько мы будем всё это убирать. Потом обед (Вася снова был звездой), затем тихий час. Уложить детей спать было также делом непростым. Укладываешь одного, переходишь к другому, а первый уже радостно носится по спальне, сметая всё на своём пути.

Когда все, наконец, уснули, наступила тишина. Варя была на перерыве, я тихонько вышла в игровую. В окнах виднелись наш фьорд и гора напротив посёлка, хмурое, бело-серое небо, как снег на горе. Залив отливал сизым, на воде кое-где выглядывали белые барашки от ветра. По главной и единственной улице посёлка, кое-как пробираясь сквозь сугробы, шли на обед шахтёры и работники рудоуправления. В конце посёлка, в так называемый научный городок, шли учёные. Было тихо и хорошо. Странно, но я совсем не чувствовала усталости, скорее, наоборот, прилив жизненных сил. Меня несколько расстраивало, что не всё у меня получается гладко, как, например, у Вари, но ведь это был только первый день.

Мои раздумья прервала София Михайловна. Она на цыпочках вошла в группу и шёпотом спросила, всё ли у меня в порядке, затем протянула яблоко: оказывается, в школу приходили на экскурсию норвежцы и угощали всех фруктами. Вскоре с обеда вернулась Варя и сменила меня на моём недремлющем посту.

В пять часов вечера, когда работа закончилась, мы с Сашей поскорее направились домой: ожидали слесаря, который должен был, наконец, починить нам смеситель в ванной. И правда, часов

в шесть вечера к нам в квартиру пожаловал тихий и очень интеллигентный мужчина. Его нельзя было назвать ни стариком, ни дедушкой, на вид ему было лет 60 или чуть больше. Когда он починил смеситель, мы пригласили его выпить с нами чая, на что он с радостью согласился. У него были большие светло-серые глаза и немного морщинистое лицо.

— Я же на Дальнем Востоке работал у одного местного богача, а у того правило: не держать работников больше трёх лет, вот я и остался на старости лет без работы, так я и попал сюда. Я тут два месяца уже, но мне не нравится, все грубые какие-то, денег опять-таки мало платят. В июле контракт закончится, и я уеду дальше искать свою судьбу. А в молодости-то я на флоте служил, потом на рыболовецком траулере работал... Эх, были времена!

На мгновение глаза у него стали чётче, резче, в них замелькали воспоминания о жёсткой жизни бывалого моряка, привыкшего к неудобствам и никогда не пасующего перед штормами и качкой. А тут он сплоховал и теперь тоскливо ходил по посёлку, ожидая, когда за ним прилетит чартер на Москву. Вскоре он засобирался и ушёл домой. Мы ещё пересекались с ним несколько раз в посёлке, и каждый раз он совершенно искренне интересовался, как у нас с Сашей дела, ну а мне надолго запомнился тот самый его жёсткий взгляд, обращённый вспять на прожитую жизнь.

Так и потекла дальше наша жизнь в Арктике, неспешно, как ледяная весенняя вода. Утром в 6:00 — будильник, переставить на 6:05, «камин», чайник, ванная, опять чайник, кружка с кофе, заботливо насыпанным самой себе с вечера (ранним утром я могу и пол-упаковки бухнуть, что, безусловно, обеспечит необычайно живой день, но неэкономно). В одной руке вилка или ложка, в другой — мобильный. Потом одни штаны, вторые, одна кофта, вторая, третья, пара курток, дверь подъезда, мороз и колючий ветер — ух! Утренний фьорд, ещё темно-синий, утренние горы,

ещё ослепительно-белые, мимо тёмно-серой деревянной часовни, оврага, сугробов, культурно-спортивного комплекса (КСК) к кирпичной школе. Но главным было небо — золотистое на востоке и постепенно розовеющее к западу, которое затем резко голубело, с маленькими облаками. От мороза казалось, что вокруг всё накрепко примёрзло к этому куполу. Мы жили на самой верхушке земного шара, выше всех. Значит, мы должны были стараться быть лучше всех, а потом, когда всё это будет уже позади, тем более должны стараться, чтобы время, отданное Арктике, не прошло даром.

ГЛАВА 5

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Не успели мы обжиться на новом месте, как вспомнили о метеостанции. Точнее, нам о ней напомнили, коварно подловив за неспешным обедом в столовой. Тяжко вздохнув, мы отправились красить чемодан в белый цвет. Дул сильный ветер, шёл снег. Очень скоро в краске был снег, угол дома, ботинки, штаны, но только не чемодан! Помните, как разводить костёр в ветреную погоду? Правильно, бережно и осторожно. Поэтому, пока Саша красила чемодан, я предусмотрительно закрывала его своим телом от ветра (то есть почти грудью на амбразуру). Получилось коряво, серо и размазанно. Но, видит бог, не виноваты мы, мы старались!

С помощью компьютерной программы метеостанцию мы включили, отдали товарищу Кашину (он должен был отнести её на метеостанцию в своём научном городке) и забыли про неё ровно на одну ночь, потому как уже с утра Сергей написал нам совершенно душераздирающее послание: «Ночью к нам на метеостанцию медведь приходил. Всё разбросал, испортил, видно, что чемодан ваш пытался разгрызть. Я тут его посмотрел, вроде он цел...»

Пресвятые угодники! Я, конечно, знала, что на острове белых медведей больше, чем людей, но, у кого ни спроси, никто их тут не видел. А тут — не успели мы приехать, и сразу такое интересное событие! Только вот имущество-то казённое, не наше. На всякий случай я спросила, стоит ли говорить об этом нашему знакомому, который дал нам метеостанцию, на что Сергей неза-

медлительно ответил, что это дело, конечно, наше, но лично он говорить ничего не стал бы.

Недолго думая, мы вышли из дома и скорее пошли в сторону метеостанции. Путь наш, однако, пролегал мимо столовой, и мы, не сговариваясь, решили зайти сначала туда. Медведь всё равно уже ушёл, потому торопиться не особенно-то и нужно, можно сначала позаботиться о пище насущной, не о духовной. И правильно ведь сделали. Сели мы за стол, и тут одновременно в наши светлые головы закралась одна нехорошая мысль...

— А какое сегодня число?

— Первое апреля.

Ровно в эту секунду пришло следующее сообщение от Кашина: «С Первым апреля! Это мой любимый праздник!» Потом шутник сообразил, что розыгрыш он придумал давно, но вот не знал, на ком опробовать.

Через несколько дней после случая с метеостанцией я прогуливалась по посёлку, когда увидела нашего математика Михаила вместе с симпатичной высокой девушкой. Последняя вела на поводке огромную чёрную собаку.

— Это Алексия, — представил нас математик (девушке, не собаке). — У нас тут живёт француз Жиль Элькем, это его жена.

Я немного поговорила с ней, так как знаю французский, и мы разошлись, каждый в свою сторону. Через пару дней я вновь увидела Алексию. На этот раз с ней был худощавый мужчина средних лет в тёплой оранжево-чёрной куртке. Знаете, бывает, встречаешь человека, который находится на своём месте в жизни? Всё вот у него получается, глаза горят, смеётся он заразительно, планов громадьё — столько за одну человеческую жизнь и не сделать. Рядом с такими чувствуешь себя унылым и серым, но зато заряжаешься этой любовью к жизни и хочешь непременно попробовать тоже. Так вот, Жиль и Алексия — как раз именно такие люди. Они планировали совершить переход через Северный

полюс с помощью яхты и собачьей упряжки, но яхта поломалась около острова и пришлось остаться в посёлке на долгие месяцы. Мы разговорились, затем списались в соцсетях, и уже на следующий день я получила невероятное сообщение от Жилия:

«Ты не хочешь покататься со мной на собачьей упряжке? Мы поедем в каньон. Только одевайся теплее!»

Да как я могла не хотеть! Голова моя к тому времени была изрядно напичкана полярными дневниками, в которых исследователи Арктики и Антарктики бороздили белые пятна на карте на собачьих упряжках и кораблях. Под ними торошился, ломался морской лёд, они преодолевали кучу преград и опасностей на пути к своей прекрасной и часто недоступной мечте... Боже! Ладно, с дрейфующими льдами потом успеется, собачья упряжка — это уже сказка!

Правда, как и в любой сказке, тут тоже были свои «но»: посёлок покидать запрещено. К тому времени мы жили в нём всего неделю, и так быстро вставать на путь беззакония не планировали. Но ведь с Жилем же совсем безопасно, он сам скромно сказал, как в одиночку с собаками прошёл несколько тысяч километров по арктической России. Посему, решено было для очистки совести позвонить в ГСВ (горноспасательный взвод) и делегировать ответственность им.

— А кто такой Жиль? А него ружьё-то есть? Ну, вы лучше это... лучше не надо, — без энтузиазма проконсультировал меня вялый мужской голос. Но поскольку голос совсем не настаивал, уже на следующий день я, полностью экипированная, ждала Жилия на оговорённой точке у коровника. Саша бродила рядом со мной с фотоаппаратом в руках. Её Жиль обещал прокатить в следующий раз.

Наконец, в конце улицы замаячила фигура в знакомой оранжево-чёрной парке «Lestra», отороченной мехом. На нём также была меховая шапка, огромные рукавицы по локоть и огромные,

явно тёплые, сапоги. Вдобавок к этому, на нём были надеты солнцезащитные очки — я же про свои в порыве буйной радости напрочь забыла. Но мой опытный спутник и это предусмотрел и выдал мне запасные, вместе с дополнительными перчатками.

Мы зашли в тёмное деревянное строение — бывший коровник. Говорят, буквально в феврале, то есть за пару месяцев до нашего приезда, тут забили последнюю корову. Внутри всё было очень похоже на конюшню, разве что стойла не разделялись стеной. Нас сразу оглушил приветственный лай собак, о которых следует рассказать отдельно. Их девять, все большие, пушистые, с огромными тяжёлыми головами и выпуклыми черепами. К Жилю они относятся с благоговейным трепетом и преданностью, он подошёл к каждой, нежно поцеловал в лоб и сказал несколько приятных слов. Почти прямо у входа лежала огромная чёрно-рыжая собака. «Это Коч, — представил нас Жиль, — я его ласково называю Кокоч». Рядом была худая и изящная чёрная Сму с большими карими глазами, единственная самка в упряжке, потом Хорей, Пушкин, Чири и другие.

В нашем путешествии мне отвели скромную роль пассажира, поэтому всё, что нужно было делать, — это сидеть в нартах и глядеть по сторонам. Жиль стоял сзади на лыжах нарт и командовал упряжкой. Как ни странно, сидеть в санях оказалось совсем не холодно, а вот лицо явно стоило замотать — дул встречный ветер, да и морозец был неслабый. Мышцы лица у меня свело довольно быстро, хотя я не вполне уверена из-за чего — из-за мороза или из-за довольной улыбки, которая никак не сползала с лица. Попытки снять видео были заброшены почти сразу: на каждой кочке нарты подбрасывало вверх, да и снимать тёплые рукавицы, чтобы удержать камеру, было сущим мучением, поэтому больше мне ничего не оставалось, как смотреть и восхищаться. Буквально несколько дней назад я с умилением смотрела, как четверо оленей гуляли под моим окном (кстати, они

по-прежнему были там, исправно кушали и толстели). Тут же паслись стада по пятнадцать голов. При виде нас они вскидывали свои безрогие головы и убегали в заснеженные горы. Через некоторое время мы сделали остановку — собакам по солнцу стало, видите ли, жарковато бежать (мои же конечности потихоньку коченели) — потом свернули в каньон и поехали дальше по льду, сковавшему реку.

Знаете, наш посёлок шумным, мягко скажем, не назвать, но в горах нет вообще ни единого звука. Буддистам тут было бы хорошо: сиди себе и медитируй на здоровье. Мороз, правда... Вскоре нарты наскочили на какую-то неровность и резко повернулись на девяносто градусов, так что несколько мгновений я проехала на боку. Затем дорога пошла вниз, и собаки весело понеслись вперёд, а я выпучила глаза и подумала, как бы сгруппироваться, чтобы не вывалиться, но всё обошлось. Мы остановились, и звери, тяжело дыша, легли остывать на снег. Я уже не чувствовала ног, но продолжала улыбаться — мышцы лица свело окончательно.

Жиль поведал, как он в одиночку прошёл от Мурманска до Уэлена. На это ему понадобилось четыре года. Передвигался он и на байдарке, и на оленях, и на собаках (кстати, на острове Врангеля остались щенки от его упряжки).

— Вот у меня там вожак был... — задумчиво сказал Жиль, поглаживая Пушкина. — Настоящий друг. Таких у меня больше нет. За всё время моего каюрства (а это очень долго) у меня было больше пятидесяти собак. Это хорошая жизнь, и я никогда не бываю один: со мной всегда мои друзья.

Когда мы вернулись обратно, я с трудом держалась на ногах и была ужасно благодарна Жилю за то, что он отказался от помощи в распрягании собак. Но все страдания замёрзшей плоти — ерунда, я теперь точно убеждена, что такая жизнь и не такого стоит!

ГЛАВА 6

СИЛА САРАФАННОГО РАДИО

Я иду вниз по улице. Справа и слева пятиэтажные, ярко раскрашенные дома. На одном из них висит тёмно-красный баннер с мужчиной, бьющим в бубен. Он замахнулся рукой и вот-вот ударит по нему, и раздастся зычный, ошеломляющий звук. В отсветах костра видны другие лица, их узкие глаза блестят, а чёрные блестящие волосы развеваются на холодном ветру. Вот-вот, ещё мгновение и...

Я открываю глаза. На часах 6:05. Я в другой Арктике, и мне пора на работу. Да какого ж чёрта мне почти каждый день снится Чукотка? Каждый сон так реален, что я и сейчас могу закрыть глаза и с точностью представить себе улицу Отке, Энергетиков, сопку Михаила, хоть прошло уже больше года с того момента, как я была там последний раз.

Ночью опять мело и занесло всю лестницу, а сейчас ярко светит солнце, на горизонте гористые необитаемые острова. В школе уже раздевают маленького Женю. Его папе сегодня надо пораньше на смену, поэтому я должна быть на месте уже в 6:50, а не в официальные 7:15. Переодевшись в шортики и майку, Женя бросается к игрушкам, но я ловким движением перехватываю его. С детьми ясельного возраста нужно много заниматься мелкой моторикой, и я, начитавшись всяких книг и советов, сажаю его к себе на колени и начинаю разогревать ладони мальчика, по очереди соединяю его пальцы, заставляю делать упражнения. Наконец, я отпускаю его, и он летит к вожделенному конструктору.

Тишина. По улице, скрипя снегом, идут две узбечки в огромных, до колен, куртках. Они всегда ходят вдвоём и одновременно здороваются. Они маленькие, говорят с заметным акцентом, но я чувствую к ним симпатию и определённое уважение: приехать из тёплого Узбекистана сюда, в мороз, где нет ничего привычного для них...

От раздумий меня отвлекает скрипнувшая дверь. В комнату толкнули светловолосого мальчика Мишу, и он по своему обычному сценарию начал реветь. Я теперь знаю, что с этим делать: подхожу к нему и делаю вид, что выключаю его:

— Миша, чик! Я отключила тебя!

Миша открывает глаза и улыбается. Ему уже больше трёх лет, но он совсем не умеет говорить, только мычит. Я пытаюсь заниматься с ним по своим методичкам, даже консультировалась с профессиональным логопедом, но он всё равно мычит. Зато он сам умеет есть, раздеваться, быстро засыпает. Когда все ещё бегают по спальне, он уже лежит с закрытыми глазами и видит десятый сон. Занимаюсь мелкой моторикой и с ним, попутно вновь начинаю думать. Сегодня нам пришло указание из Петербурга: надо перенести метеостанцию на другое место, для этого придётся дёргать Кашина, отрывать от важной работы. Ещё и табличку не забыть написать, что это научный прибор и его нельзя трогать: метеостанция будет находиться прямо посреди посёлка.

Дверь вновь открывается, и на пороге стоят две мамы с детьми. Одну из них, маму Луки, я уже немного знаю. Она, как и практически все в посёлке, с Украины. Ей 20 с небольшим лет, но на вид гораздо больше. Конечно, немаловажную роль здесь играет одежда: тёплые синтепоновые штаны на резинке, приходящейся ей прямо на рёбра, объёмная яркая куртка и шапка, полностью прикрывающая лоб. Работает мама Луки уборщицей и является первой сплетницей посёлка. Сына любит до безумия и каждый раз при расставании с тоской и тревогой заглядывает

в его лицо. Мама Жени, второго мальчика, старше и предпочитает только слушать сплетни и передавать их, а не сочинять. Причём верит она всему без остатка. Женя — поздний ребёнок, которого балуют и потакают всем его капризам, поэтому мальчик чуть что сразу пускается в слёзы. У его родителей есть ещё старшая дочь, но она учится на материке в каком-то техникуме под Луганском. Мать Жени тоже уборщица, работает в самом грязном месте посёлка — бане. По окончании каждой смены туда приходят усталые, перемазанные углём шахтёры, и шумно, с матюками, моются. Прямо скажем, не мечта. Мама Жени вынуждена работать там, потому что в бане уборщицам платят чуть больше, и эта пара вырученных тысяч ей очень важна: дома, на Украине, осталась больная мать, которой постоянно нужны дорогостоящие лекарства.

Обе женщины смотрят на меня ненавидящим взглядом, но ничего не говорят. В последние дни это, кстати, не редкость. Более того, Варя недавно ходила в прачечную и там услышала, что я ненавижу детей и они не хотят ходить ко мне в группу. Потом кто-то в посёлке сказал то же самое прямо мне лично. Тщательный допрос показал, что слухи породила мама Луки. Все эти сплетни, причины которых я совершенно не понимала, начали меня сильно утомлять.

Разумеется, дети плакали, когда родители провожали в игровую и убегали, а к ним подходила некая «тётя», то бишь я, и совала им в руки игрушки.

Успокоившись, дети начинали играть, бегать и кричать. Они успевали отбирать друг у друга игрушки, плакать из-за этого, упасть или столкнуться и из-за этого тоже рыдать, побить друг друга и зареветь. Я в это время пыталась по очереди сажать их на коленки, успокоить и попутно хоть чему-то научить. Учиться хотели два-три ребёнка, да и то недолго. Около восьми утра приходила помощница воспитателя и тоже сразу начинала работать,

а работы очень много. Позже мы шли на завтрак. Тут начиналось веселье. Кашу есть хотели единицы, остальных надо было кормить с ложечки; если вы думаете, что спускались в столовую и садились за стол дети безропотно, то вы жестоко ошибаетесь! После завтрака мы поднимались наверх — в это время кто-нибудь из детей поднимал жуткий рёв, потому что хотел идти за руку с воспитателем — и дети начинали бегать и кричать. Воспитатель и помощник пытались (иногда весьма успешно) усадить всех на горшки, выучить стишок, прочесть сказку, поставить песенки, предотвратить десяток драк и так далее. До обеда, который начинался в двенадцать, мы иногда ещё гуляли (нет, не на улице, а просто в неотапливаемой комнате, которую все называли прогулочной, всё равно, что улица) или ходили в спортивный зал — этого я поначалу очень боялась, потому что там даже самая безопасная вещь становилась неожиданной смертельной опасностью, так что я бегала и отбирала у детей всё запретное. Да, при этом они никогда не прекращали плакать. В двенадцать обед — это ещё труднее завтрака, ведь съесть нужно и первое, и второе, а кормить с ложечки мне первые недели с непривычки было трудно, — и.. тихий час. Кстати, угадайте, кто ждал его больше? И гадать нечего, воспитатель. Детей надо раздеть, усадить на горшки, переодеть в пижамы и уложить в кровати (добровольно спать шли далеко не все). С некоторыми приходилось сидеть ещё битых тридцать-сорок минут и убеждать, что заснуть надо немедленно — при этом я сама уже отчаянно зевала и мечтала о кофе.

Перерыв у меня был с 13:30 до 14:30. За это время я должна была успеть пообедать в столовой и, как правило, решить кое-какие вопросы в АБК (административно-бытовом корпусе). По старой московской привычке я боялась не успеть (перерыв в столовой с 14:00 до 15:00), но к концу перерыва у меня были сделаны все дела, и ещё оставалось минут десять свободного вре-

мени. Итак, в 14:30 я возвращалась на работу, дети ещё минут тридцать спали, затем начинали потихоньку — или не очень — просыпаться, и мы шли на полдник, после которого — игры, мультики и такие долгожданные родители.

Через несколько недель жизнь в посёлке стала слишком насыщенной: в течение десятичасового рабочего дня у меня почти не было времени на то, чтобы отдохнуть. К тому же от работы с малышняй началась параноя: вещи, которые в обычной жизни были совершенно безопасны, превращались в страшные угрозы для маленьких детей. Нельзя было отвернуться, если в руках у кого-то был карандаш, нельзя расслабиться, если дети лепили из пластилина, потому что они его тогда запросто могли съесть.

Я включала каждый день детские песенки (что возымело результат, потому что дома они их пели на радость родителям), занималась мелкой моторикой, учила стишки... Про последнее стоит рассказать отдельно: я ловила одного из детей, сажала на колени и начинала читать стишок, добавляя дурацким голосом после каждого четверостишия: «Да?» Затем стишок читался ещё раз, ещё и ещё, но этот последний раз я дочитывала уже, как правило, стене, так как ребёнок успевал вырваться на волю и убежать. Более того, никто из детей совершенно не знал слов «спасибо» и «пожалуйста», и я как-то потратила весь день на то, чтобы научить их им. В конце дня, правда, некоторые из родителей, презрительно оттопырив губы, проворчали: «Они и так эти слова знают и дома говорят!»

Вдобавок ко всему, никто не отменял прогулок в холодной прогулочной комнате, игр в спортзале, тихого часа, трёхразового питания. Васю мне приходилось первый месяц носить в столовую на руках. Он, конечно же, вырывался и кричал, а в столовой пытался поскорее убежать. Другие воспитатели начали смотреть на меня с некоторым пониманием и сочувствием, а мне всё каза-

лось, что я плохо работаю, поэтому продолжала стараться и очень боялась, что не справлюсь, что меня отошлют обратно на материк. Методички по воспитанию пылились в шкафу, так как ни в одной из них не было написано ни одного умного слова и толкового совета.

Родители, не скрывая, сплетничали в коридоре. Директор и София Михайловна регулярно проводили с ними беседы и поддерживали меня, за что я была очень им благодарна и признательна. Другие же коллеги, напротив, не поддерживали моего хорошего отношения к Софии Михайловне. Её опасались и недолюбливали, в моей голове никак не укладывалось почему. Ко мне и Саше она относилась с пониманием и явной симпатией, и я не могла желать лучшего начальника. Хотя кое-какие странности я за ней замечала. Софии Михайловне было за 50 лет, всю свою жизнь она проработала учителем в небольшом городке в Татарстане. Как-то я спросила у неё, почему она уехала в Арктику, на что начальница моя замялась, заторопилась и поскорее сменила разговор. Видимо, это тема её напрягала.

Однажды во время обеда я стала свидетелем довольно жёсткой сцены. Надо пояснить — все несъеденные порции в детском садике принято выкидывать, учителя не имеют права их доедать, и София Михайловна очень зорко следила за этим. Каждый день на моих глазах выбрасывались десятки нетронутых порций первого, второго, иногда даже тех немногих фруктов, которые раз в месяц завозили в посёлок. В детсаду работало несколько женщин, у которых в группу ходили их собственные дети. Последние, конечно, не всегда хотели есть суп, и их мамы иногда подыедили остаток еды за своими детьми, чтобы не выбрасывать.

В тот день София Михайловна показалась в столовой как раз в такой момент. Её лицо сразу искривилось, а походка стала подпрыгивающей (она всегда так делала, когда злилась или нервничала). Не стесняясь, она высказала женщине, что та не имеет

права есть еду, предназначенную для детей, и уже через полчаса весь персонал школы был созван на педсовет. В маленьком кабинете информатики, который по умолчанию был ещё и учительской, уже собрался весь маленький коллектив, когда туда пришла я, оставив детей на попечении Вари.

— Коллеги, — начала София Михайловна, — сегодня я стала свидетелем одной не очень хорошей сцены, когда одна из родителей ела то, что положено детям. Я вас предупреждаю: если я ещё раз такое увижу, мы порвём с вами контракт и вы уедете отсюда быстрее, чем успеете получить очередные полярные надбавки.

Такая суровость меня удивила, но я была уверена, что причины тому есть. После работы я неизменно выходила на улицу и видела многометровые белые сугробы, в лицо мне дул холодный ветер, за фьордом возвышались горы, и я понимала, что у меня чертовски хорошая жизнь! Шли только первые месяцы. Это ещё совсем немного, но уже на четвёртой неделе я поймала себя на мысли, что перестала чувствовать себя туристом, постепенно начала воспринимать посёлок не как некий интересный объект, а как место, где я живу. Жизнь приобрела ритм и темп.

ГЛАВА 7

СВОЙ СРЕДИ СВОИХ

После каждого рабочего дня меня ждала заслуженная награда: прогулка с собаками Жилия. Надо сказать, что тесное общение с животными действовало как помощь лучшего психолога — в условиях всё обостряющегося конфликта с родителями детей не было ничего лучше, чем длительные прогулки и огромные собаки, которые, привыкнув к нам с Сашей, радовались, когда мы приходили, повизгивая от нетерпения. Когда мы гуляли с ними, то надевали специальные ремни на пояс, к которым пристёгивались поводки. За раз можно было вести сразу двух собак, и порой это было занятием довольно экстремальным: в апреле всё-таки ещё настоящая зима и на дорогах было много скользкого снега и льда, а звери тащили вперёд довольно быстро, особенно, если где-то впереди маячил олень. Мы падали, поднимались и вновь бежали за собаками. Жиль и Алексия много рассказывали про своих питомцев и обещали дать мне подробное интервью. Мы весело проводили время, и уходить всегда было жаль.

Наступил полярный день, и на выходных, когда не надо было рано ложиться спать, мы с Сашей выходили гулять под незаходящим полночным солнцем на низком небе. Оно было таким ярким, что мы надевали солнечные очки и гуляли до трёх, а то и до четырёх утра, уходили к мысу, что находится с южной стороны посёлка, к вертолётной площадке, а иногда и в горы, где бродили стада безрогих белых оленей. Уже через несколько недель нашего пребывания в посёлке стало понятно, что если следовать всем правилам и никуда не ходить, то жизнь превратится в цикл «дом-

работа-столовая-магазин», а это однозначно не входило в наши планы, поэтому отныне и вовеки мы пренебрегали правилами всегда, когда речь шла о прогулках. Обещанные Орешко морские экскурсии с местным туристическим центром оказались ничем иным, как обычной приманкой сотрудников на новое место работы. Для чего — непонятно, ведь мы были готовы ехать на любых условиях.

Вообще, многие едут на Север, гонимые романтической мечтой. Вот какая картинка встаёт у вас перед глазами при слове «Арктика»? У меня — тундра, вытаивающая из-под снега, деревянный почерневший балок с дырявыми стенами и выбитыми окнами, запах соляры и чёрные горы на горизонте. Ну, романтика же? Но когда ты тут живёшь, всё это выглядит иначе. Хорошо это или плохо? А может, это и есть романтика? Если это не романтика, то где её искать?

Когда я ехала в посёлок, я знала, что живут здесь преимущественно шахтёры, и мне говорили, что шахтёры эти из Украины, где идёт война и нет работы. И вот я вижу, что людям вокруг меня совершенно наплевать на то, где они находятся. Будь это хоть Арктика, хоть Антарктика, хоть тропики — это никоим образом не затронет их душевное равновесие и не заставит взглянуть вокруг себя другими глазами. У меня история освоения полярных регионов, например, вызывает глубокое душевное волнение и трепет, а людям вокруг меня даже такие имена, как Нансен и Амундсен, ничего не говорят. А ведь мы с ними живём в одном месте, причём многие работают тут не один год и называют себя полярниками. Получается, романтика существует только у нас в головах и в том, как мы смотрим на мир? А ещё я заметила, что она существует всегда до или после, а в настоящий момент — это просто обычная жизнь.

Незаметно приблизилась Пасха. Мы с Сашей сходили в поселковую часовню. Батюшки тут нет; лишь иногда, раз в два-три

месяца он приезжает сюда, и тогда к нему идут верующие, чтобы исповедаться, причаститься и послушать проповедь. Ещё в Москве я прочитала в интернет-издании местной газеты интервью с батюшкой, в котором он сказал, что, попадая в посёлок, люди обрекают себя на определённый вид одиночества. Знаете, казалось бы, вокруг не очень-то и много людей, но все друг друга знают, ни от кого тут не спрячешься, не уйдёшь, и наступает момент, когда понимаешь — всё, точка кипения, нужно побыть одному, и тогда уходишь мыслями в себя и смотришь на себя уже совсем другими глазами. Часто именно в такие моменты одиночества люди находят Бога.

В ту Пасху батюшки в посёлке не было. Несмотря на это, в часовне всегда горел свет, а по воскресеньям кто-то звонил в колокола. Это был Екайкин, местный старожил и человек удивительной судьбы, но мы в то время его ещё не знали. Мы вошли в деревянный, посеревший от времени храм. Ему могло быть как 20, так и 200 лет: дерево на Севере очень хорошо сохраняется. Внутри часовни было тесно — едва ли тут уместилось бы пять человек. Мы зажгли одну из свечей, лежавших там же, на небольшом столе у стены. В воздухе почувствовался запах горящей спички и плавящегося воска, и этот запах сразу отнёс меня в далёкое детство. В 1990-е у нас дома частенько отключали свет, и тогда мы всей семьёй передвигались по квартире со свечами. Это было так красиво: темнота, полная тишина, слабое потрескивание свечи и этот запах родом из детства. И несмотря на то, что дом с родными был за много километров от посёлка, детство вообще кануло в Лету, и впереди нас с Сашей ждали многие месяцы тяжёлой работы, мы почувствовали: мы дома.

Наступило Пасхальное воскресенье. На столе — яйца, крашенные в луковой шелухе, кулич. Всё как обычно, но и не так. Вот, например, впервые за много лет мы не пошли на Всенощ-

ную, потому что её просто не проводили. Пришлось смотреть службу по телевизору. Перед глазами так и стоит картина: окна задёрнуты тонкой жёлтой шторой, чтобы ночное солнце не так слепило глаза, и, чтобы создать иллюзию вечера, в конце комнаты, где кухонная зона, включён свет, по телевизору — Храм Христа Спасителя, патриарх: «Воскресение Христово видевшие...» А радость от праздника там, в Арктике, где нет не то что пальмовых ветвей или вербы, а даже маленькой тоненькой веточки, чувствовалась чуть ли не больше, чем в Москве.

Накануне же у нас был весёлый вечер. Саша сидела с учебником по математике и готовилась к урокам со своими учениками, а я, как всегда, пролистывала бесполезные методички для работы с детьми от двух до четырёх лет, когда в дверь позвонили. Мы никого не ждали. На пороге стоял подвыпивший мужчина средних лет и среднего телосложения.

— Извините, ошибся дверью! — пробубнил он и довольно быстро ретировался.

Мы вернулись в комнату и продолжили заниматься своими делами. За окном было совершенно светло, мороз крепчал, пара оленей спустилась с горы... Опять звонок. Тот же мужчина средних лет и среднего телосложения в компании со своим товарищем примерно такой же внешности, разве что чуть выше. От них по коридору общежития расплылся стойкий запах спирта и сигарет. Вечер однозначно переставал быть томным.

— Девушки, нам нужна эта... ну, соль. Прямо вот сюда, если несложно, конечно, — один из мужчин протянул нам ладонь. Мы сходили в комнату, насыпали соль в чашку и передали им.

— Нет-нет, нам вот столько нужно только, — они взяли щепотку соли и, извинившись, ушли. Мы вновь приступили к делам.

И что бы вы думали, случилось через 15 минут? Правильно, опять звонок. Теперь мужчин было трое, пропорционально усилился и запах спирта в коридоре. Сейчас им очень понадобился

чай, и заодно они решили, что у нас что-то не так с дверью и что её пытались сломать предыдущие жильцы.

— Так у меня солидол есть, я почию! — вызвался один из них.

Мы начали заверять, что этого делать совершенно не надо, но нас перебили:

— А вы водку пьёте? А пиво? А вино? Ну что-то же вы пьёте?!

Нас спас звонок знакомого, который сказал, что на улице очень красивый закат и пропустить его ну никак нельзя. Мы очень легкомысленно оделись (выйти-то решили всего на пять минут!), взяли фотоаппараты и пошли к дому поморов. Закат был и правда чудесный, как все арктические закаты. На горизонте прекрасно просматривались острова, горы белели в розовеющем небе, но вдруг сзади нас резко затормозил снегоход.

— Саша, Алина! А давайте я вас покатаю! — предложил абсолютно незнакомый мужчина.

Не знаю, что сыграло — желание прокатиться на снегоходе или любопытство, откуда же нас все тут даже по именам знают, но мы согласились. Впоследствии выяснилось, что это был один из айтишников рудника. Когда мы вернулись домой, всё было тихо и спокойно. Больше в тот день нам никто не звонил. А на улице ослепительно сияло солнце. Была полночь.

ГЛАВА 8

О СПОРТ, ТЫ — МИР!

Если идти от двадцать девятого дома прямо, то вы упрётесь в большое сине-жёлтое здание со скошенной крышей. Это культурно-спортивный комплекс, или попросту КСК. Я зашла сюда в первый же вечер пребывания в посёлке, но все уже разошлись, горел только тусклый свет в фойе, и виднелись пустые вешалки для одежды. На шум голосов из подсобки вышла уборщица с тряпкой в руках и сказала, что рабочий день тренера давно окончен. Тренер Миша был по совместительству ещё и школьным физруком и приехал в посёлок за два месяца до нас с Сашей.

Второй раз я попала сюда в апреле, когда нас с Сашей позвали кататься на лыжах. Лыжи я недолюбиваю, хотя теоретически хотела бы научиться хорошо на них кататься. В посёлке ходить было некуда, и недостаток движения остро ощущался: подниматься в горку мне было тяжело (правда, как мне потом сказали, это из-за разреженного воздуха). Так что одним апрельским вечером мы с Сашей вновь зашли в КСК и, наконец, встретили там Мишу.

Мы прошли в тренерскую, оставшуюся неизменной ещё с советских времён, и надели не менее аутентичные ботинки. Хм, погодите, и как их к лыжам прикрепить? Остальные уже потихоньку пробовали свои силы, а я с очень умным видом старательно пыталась хотя бы на лыжи встать. Я бы долго ещё возилась, но Миша — молодой долговязый парень, с которым я познакомилась как-то на обеде в столовой, видя мои безрезультатные попытки, пришёл на помощь.

К сожалению, дальше мои успехи тоже были не самыми впечатляющими: дорога сразу шла наверх, я немедленно покатила вниз, кое-как, бочком, преодолела пятьдесят метров затаянного подъёма и только решила с гордостью посмотреть на остальных, как увидела, что они были далеко впереди. «Ничего-ничего, — пробубнила я. — Тише едешь — дальше будешь!» Не знаю, действовала ли эта присказка хоть с кем-то, но со мной — явно нет. Лыжи подо мной разъезжались, палки в руках были сродни посоху у бродяг. По сторонам я смотрела мало, но когда отрывалась голова от снега под ногами, то с удовольствием оглядывалась вокруг и искренне наслаждалась природой.

Через некоторое время ко мне подъехал Миша и попытался объяснить, как надо отталкиваться палками и в какой момент переставлять лыжи.

— Берегись! — крикнула я ему в ответ и на чудовищной скорости черепахи плюхнулась на живот: так я предпочитаю съезжать на лыжах с горки. Проехав таким образом некоторое время, я попробовала встать, но не тут-то было. Лыжи застряли в снегу, не давая мне пошевелиться. «Ну и чёрт с вами!» — промычала я и отстегнула их.

Прошло немало времени, позади осталась вертолётная площадка, впереди замелькал маленький деревянный домик. К нему вела горка, которую я преодолела на полусогнутых ногах, но не упала. Короче говоря, когда настало время поворачивать назад, я была готова выплюнуть лёгкие и почти плевалась кровью, шапка сбилась набекрень, а потные, несмотря на мороз, волосы прилипли ко лбу. Я была крайне довольна прогулкой и решила отныне непременно включить в свою жизнь обязательные походы на лыжах.

ГЛАВА 9

НОВЫЙ ВЫЗОВ

Солнце больше не заходило, прекратились закаты и рассветы. Однажды утром я вышла из дома и услышала пение птиц. Так внезапно, так по-материковски это звучало здесь, в царстве снега и льда. Прямо из-под моих ног выпорхнули две птицы размером с воробья. Это были знаменитые певчие пуночки Арктики, вечные герои сказок северных народов мира. Можно было закрыть глаза и в абсолютной тишине услышать низкие певучие трели. Говорят, что ещё чуть-чуть и сюда прилетит больше птиц. Они будут гнездиться на скалах, вить гнёзда и откладывать яйца, а потом, осенью, улетят дальше. Но осенью уеду и я, а это ещё очень нескоро, ведь на дворе апрель, настоящая зима.

Дорога от работы до столовой и магазина пролегает между двумя сугробами выше меня ростом, старожилы утверждают, что где-то там, под ними, есть лестница, но мне не верится. Вдруг навстречу мне вышел большой откормленный рыжий кот с бандитской мордой. Он щурился на солнце и от этого немного походил на китайского мудреца. Внешний вид его красноречиво говорил о непростой судьбе: кончик уха был порван, у носа чернел шрам. Сегодня в посёлке живёт много очевидцев его отчаянных схваток с бургомистрами — огромными чайками. Ходят слухи, что в этой неравной борьбе стоит он не на жизнь, а на смерть, никогда не сдаётся подлому врагу. За это ему и достаётся, конечно, но в посёлке он почётный житель. Зовут кота, кстати, Иннокентий, или по-простому — Кеша. Завидев меня, Кеша резко сменил направление движения и на толстых рыжих

лапах подошёл ко мне. Взяв его на руки, я ещё некоторое время разглядывала его разбойничью морду, а он милостиво и снисходительно позволял себя гладить. Когда ему надоело, он вытянулся во весь свой рост, выгнулся, прыгнул с рук и продолжил своё шествие по только ему известным кошачьим делам, ну а я пошла по своим и уже очень скоро, свернув за угол, вошла в тихое здание школы.

В коридоре ещё не включили свет, и, кроме меня и повара, в здании никого не было. Я ступила в свои детсадовские владения и села на первый попавшийся стульчик. За несколько недель, прожитых на Севере, я уже привыкла к тому, что вся мебель низкая — специально для детей, и меня больше не смущали мои коленки, поднимающиеся к ушам, когда я садилась. Я пристроилась у окна и открыла книгу: на счету была каждая минута. Во время работы в детском саду я поняла, что не ценю ничего так, как эту утреннюю пугливую тишину. Она разливается, как бальзам по сердцу, ласкает уши, очищает разум и успокаивает — но малейший шум, и она испаряется, словно её и не бывало, оставляя на душе неприятные ощущения, как будто кто-то пальцем провёл по стеклу.

Вот и сейчас, не успела я окунуться в чарующий мир утреннего чтения, как в раздевалке грохнули дверью и ко мне в группу, не здороваясь, завели ребёнка. Мама вошла вместе с ним и стала пытливым глазом всматриваться в лицо сына. Ага, так и есть! Мальчик, видя, что мама не ушла, немедленно скорчил рожицу и сделал вид, что сейчас заплачет, если она уйдёт. Невинное детское лукавство было воспринято как страшный проступок с моей (почему-то) стороны, поэтому мама ребёнка бросила на меня испепеляющий взгляд и взяла сына на руки.

— Ну что случилось, сынок? Почему ты не хочешь оставаться в садике?

— Не хочу!

Мама поставила ребёнка на землю и, вытирая сухие глаза, дрогнувшим голосом, произнесла слова прощания сыну и выскочила за дверь. Немного пострадав, ребёнок подошёл ко мне, и мы начали ежедневные упражнения с мелкой моторикой. После завтрака я ушла в кабинет начальной школы на урок английского.

Ещё в конце марта София Михайловна сказала написать мне заявление на перевод из помощников в воспитатели, после, через несколько дней, я написала заявление на совмещение должностей воспитателя и учителя английского. Все эти разы я писала заявления в обшарпанном отделе кадров в присутствии милой женщины средних лет. Тогда я верила ей и верила работодателю, думала, что всё хорошо, просто и очень искренне... Вообще, за полгода пребывания на острове, я сделала какую-то абсолютно нереальную, уму непостижимую карьеру, но об этом после.

Работа воспитателем была гораздо сложнее, чем я думала. Я очень уставала и, когда стала ещё и учителем английского, поначалу отдыхала во время проведения уроков. Эта работа была уже привычной, я точно знала, что и как надо сказать, чтобы меня поняли, за что ставить оценки и так далее. Хотя сложности тоже были. Школа в посёлке считалась малокомплектной, поэтому часто тут надо было вести уроки сразу в двух классах. Я-то вела только один предмет, но могу лишь представить, как тяжело вести, скажем, одновременно математику у одного класса и чтение у другого.

Итак, первый урок английского. Я зашла в класс и увидела несколько детей (пять или семь), которые занимались кто чем: кто-то болтал, сидя за партой, кто-то кидался бумажками, кто-то раскатывал пластилин по полу. Моё присутствие ничуть не отвлекло их от этих интересных дел. Даже когда я подошла к учительскому столу и открыла журнал, они меня не заметили. На-

рочито громко представившись, я начала урок. Прямо передо мной сидела девочка с сытыми бабьими глазами. Она будто всегда хотела спать и на мои вопросы либо не отвечала совсем, либо начинала ковырять стол и бормотать что-то типа «Ну я случайно ошиблась».

Был в классе ещё и очень подвижный мальчик. Он совершенно не знал английского и явно не горел желанием узнать, но у него был просто дар руководителя. Когда ему самому не хотелось устраивать беззаконие, он следил за другими и очень неплохо их строил: как-то раз на моих глазах он заставил отмывать пол одноклассников, разливших грязную воду. При этом он не только ругал их и заставлял убираться, но и сам принимал весьма деятельное участие в этом. Был в классе также мальчик, который вместо «л» на конце слов говорил «д»:

— Ты сделал английский?

— Я не записад, что быдо задано, и забыд сдедадь.

Так или иначе, уроки вести легче, чем работать в саду. Но 45 минут заканчивались, и я возвращалась назад в ясли. Как правило, это было перед тихим часом. Иногда, отпустив Варю на перерыв, я садилась на кровать к Васе и укачивала его, чтобы он поскорее заснул. Это могло длиться минут по сорок, затем он весь расслаблялся, смотрел куда-то в потолок и засыпал. От качания тяжёлого ребёнка у меня ныла спина, отваливались руки, глаза закрывались, и мне больше всего на свете хотелось, чтобы не было больше этого шума. Иногда не хотел засыпать Миша. Он вскидывал ноги на кровати и стремился утащить как можно больше игрушек под одеяло. Тогда я придумала одну хитрость: когда он совсем не хотел спать, я брала игрушку и обещала ему, что она сама к нему придёт, как только он заснёт. Миша поначалу не верил и пытался хитрить: закрывал глаза и сквозь щёлочки подглядывал, не пришла ли к нему игрушка. Но затем, убедившись, что я его не обманываю, он и правда пытался заснуть по-

скорее и дело пошло на лад. Изредка Миша просил меня: «А ты посидишь со мной?» И я садилась на краешек кровати и гладила его, чтобы он быстрее уснул. Иногда с соседней кровати раздавался театральный шёпот Луки: «А со мной посидишь?» Приходилось садиться между ними и ждать, пока они заснут. Когда все, наконец, спали, воцарялась потрясающая, ласкающая слух тишина; я открывала книгу и начинала читать, отчаянно пытаюсь не заснуть сама. Через какое-то время с перерыва возвращалась Варя, и я могла пойти отдохнуть.

ГЛАВА 10

ТЕНИ ВЕЛИКИХ

С приходом весны Арктика ожила: зашевелилась тундра, проглядывающая из-под снега, небо наполнилось криками летящих гусей, в море закачались на волнах утки. Во время прогулок по пляжу из-под ног то и дело убежали кулики — маленькие пухлые птички с длинными тонкими ножками. Убегая, они задирали «колени» почти до клюва и почему-то никогда не взлетали. Иногда в снегу можно было заметить толстую белую птицу с красным пятном на голове — это куропатки, птички чемпионы по бегу. У них очень пухлые мохнатые ноги, но при виде незваного гостя задают они такого стрекоча, что только диву даёшься. Когда куропатки понимают, что не убегут, то взлетают, тяжело взмахивая крыльями, а затем, чуть зависнув в воздухе, грузно, почти со вздохом облегчения, опускаются на землю.

Отдельная беда Арктики — крачки. Эти чудаковатые птицы каждый год летают из Арктики в Антарктику и обратно. Гнёзда они откладывают прямо в тундре вдоль дороги и проявляют безумную агрессию к проходящим мимо. С неприятными звуками крачки пикируют прямо на голову всем, кому случается оказаться рядом с их гнёздами. Успокаивает одно: натворив бед в Арктике, они полетят в Антарктику, где будут травмировать местных полярников. Есть тут, правда, одна хитрость: атакуют крачки (так же, как и бургомистры) всегда самую высшую точку, поэтому ходить надо с тем, кто выше тебя (в моём случае это легко), либо носить с собой палку и поднимать её над головой.

Каждый день прилетали всё новые и новые птицы; можно было подняться на горку за посёлком (что, в общем-то, запрещено) и наблюдать за ними. Гуси гнездились на скалах и яростно атаковали бургомистров, позарившихся на их яйца. Тут разворачивались целые баталии: сравнительно небольшие гуси гоняли огромных чаек, отстаивая жизнь своих будущих поколений, а бургомистры кружили вокруг, силясь приблизиться к желанным яйцам поближе, каждый раз терпя полное поражение.

Мы, как и прежде, каждый день ходили гулять с собаками Жилия и Алексии, но одна прогулка стала особенной. Был погожий весенний день, круглосуточное солнце светило на горизонте, освещая искрящийся снег и тёмные воды фьорда. Светило оно так ярко, что все жители посёлка надевали на улице солнцезащитные очки. Мы пошли в южную сторону посёлка и дошли до яхты, вмёрзшей в берег. Это была та самая яхта Жилия и Алексии, на которой они прибыли в посёлок, — освободить её из ледового плена возможно не раньше июля.

Жиль пригласил нас внутрь — ему понадобилось забрать корм для собак. Когда я оказалась внутри, я словно попала в другой мир. На яхте было много небольших помещений, заваленных экспедиционной экипировкой. Сбоку, в рубке капитана, размещался шкафчик со стеклянными дверцами, а там плотно в ряд стояли тома Стефанссона, Нансена, Амундсена и прочих именитых полярников. Многие из них — это первые издания, да ещё и с автографами!

В помещении пахло бензином, но этот запах не раздражал, а наоборот, был каким-то родным. Казалось, что пол в узких проходах вот-вот закачается, в борт ударит морская волна, и яхта окажется на её гребне, солёная вода захлестнёт борт, а ледяное дыхание Арктики обожжёт щёки. По льдине, дрейфующей мимо, пройдёт белый медведь, и на берег вылезет погреться под солнцем морж. И тут мне с такой силой захотелось отправиться

в новое путешествие — ещё чуть-чуть, и ноги сами понесут меня по той дороге, где я ранее не была. Жиль водил нас из помещения в помещение, показывал свою библиотеку, маленький камбуз, палубу, а я ходила как зачарованная. Многие годы я читала дневники полярников, и у меня всегда возникало щемящее сердце чувство: мне казалось, что всё, описанное в книгах, — это моя настоящая жизнь, которую за меня почему-то прожили другие.

Когда мы засобирались домой, то встретили пару, уже много лет обслуживавшую поселковую вертолётную площадку. Несколько лет назад они помогали при эвакуации СП. Просто удивительно, как мне повезло оказаться тут и познакомиться со всеми этими людьми. Как отличаются они от большинства жителей посёлка, как сильно меняет людей идея и мечта. Раньше я думала, что неплохо бы было в посёлке сделать турклуб, куда дети приходили бы с родителями и слушали про полярных исследователей, образовывались и так потихоньку поняли бы, как повезло им жить в Арктике. Увы, этой мечте так и не суждено было сбыться.

ГЛАВА 11

ПИЩА ДУХОВНАЯ

Культурная жизнь в посёлке весьма скромна. Оно и понятно: театра нет, кино нет (только изредка в доме культуры показывают фильмы), выйти, не нарушив десяток правил, некуда. Есть, правда, группа активистов, которые занимаются художественной самодеятельностью и показывают туристам концерты, а также вербуют всех вновь прибывших в свои отважные ряды. Но мне к ним примкнуть как-то не захотелось, поэтому, когда однажды ко мне подошла невысокая девушка, я оборонялась достойно.

— Привет, я Лена из ДК! А что ты умеешь делать?

— Ничего.

— То есть, совсем?

— Абсолютно!

— Ну, ничего, мы же можем тебя научить. Что бы ты хотела делать?

Я пробурчала что-то на тему срочности и работы и поспешно ретировалась. Мой постыдный побег был правильно понят, и более деятели искусства ко мне не приставали. Не подумайте, концерты у них всегда проходили на уровне — просто я свято убеждена, что без меня они смотрелись куда гармоничнее.

Помимо ДК в посёлке также был музей, причём на днях там открывалась выставка местной художницы. Конечно, мы с Сашей пошли на торжественное событие. Там были знакомые нам учёные, гиды, и только родителей с детьми замечено почти не было. Выставка оказалась небольшой, но как же приятно хоть немного отвлечься от работы и приобщиться к прекрасному! От-

крытие было весьма условным: все эти работы висели в музее уже пару недель как, и не видел их разве что ленивый, но тут важен был сам факт того, что в одном месте организованно собрались желающие просветиться.

В пятницу, накануне открытия, была прекрасная погода и очень тяжёлый день на работе. К концу я так устала, что еле дошла до дома, а у нас как назло закончились продукты. Пришлось тащить себя в магазин, где как раз был завоз. К сожалению, продуктовый дефицит настиг не только нас, и, когда мы вошли в магазин, перед нами уже стояла примерно половина посёлка. Преимущественно эта половина состояла из мам с детьми, которых пропускали без очереди, а они всё прибывали и прибывали. При этом каждый считал своим долгом отовариваться, или, по-местному, «скупляться» очень основательно.

— Погодите, мне тут заняли! Ага, а что это — помидоры привезли?

— Дайте-ка я пощупаю... Ну... Десять штучек взвесь мне. Сколько тут? Десять? Ну, давай ещё пяток. Так.. И баночку шпротов.

Продавщица шла за помидорами, возвращалась, отправлялась за шпротами, возвращалась и бывала послана в тот же отдел, но уже за макаронами, потом за тушёной, потом за конфетами, и так минут по 15-20 с каждым человеком. Через час стояния в очереди мы были слегка одуревшие, но держались. И потом, каково же приходится бедным продавщицам в день завоза! Они работают так весь день, не присаживаясь ни на минуту, но никогда не хамят и даже периодически отпускают какую-нибудь шутку. Магазин в посёлке всего один, выбор не такой большой, овощи и фрукты привозят раз в месяц, да и то хватает их не на всех, поэтому меня всегда удивляла местная привычка тщательно осматривать, обнюхивать и ощупывать каждый помидор или яблоко. Других ведь всё равно нет и не будет! Так к чему такая придирчивость?

Мы с Сашей всё же выстояли и со спокойной душой отправились предаваться пятничным радостям жизни: сесть на широкий подоконник с чашечкой кофе и расслабиться, предвкушая выходные, которые каждую пятницу кажутся бесконечно долгими и прекрасными. Эта пятница, правда, отличалась от всех прочих: в тот день в посёлок приезжала какая-то группа с соседнего острова и они играли концерт в поселковом баре (есть здесь и такой!).

Там собралась тьма-тьмущая народу! Многие курили и пили пиво. Музыкантов ждали долго, но, наконец, из-за столика у импровизированной сцены встали несколько поддавших людей и начали играть. Из-за плохо настроенного звука уши моментально заложило, запах алкоголя и табака сразу унёс меня лет на 10 назад, когда я, будучи студенткой первого курса, посещала рок-концерты сомнительных групп в маленьких обшарпанных клубах. В таких местах обязательно курили и курили много, сидеть за столиком не принято: раз уж пришёл, так изволь танцевать, точнее, прыгать под музыку и веселиться всеми доступными способами. Длится это действие обычно около двух часов, и под конец ты выходишь из зала глухой на полтора уха, с уставшими ногами, прокуренными волосами, но совершенно счастливый и беззаботный! Именно это и случилось со мной в тот вечер. Я, лет на 10 помолодевшая, легкомысленно вышла из бара без шапки и в куртке, наброшенной на плечи. Первый же порыв арктического ветра проветрил мне мозги, а второй заставил одеться до зубов. На улице было около трёх часов ночи, ещё одна трудовая неделя была официально закончена. Весь посёлок, кроме меня и Саши, спал. Нам же хотелось спуститься к порту. Около причала застыли чёрные воды моря, стояла поразительная тишина, даже шумные и крикливые бургомистры успокоились и тихо нянчили своих огромных птенцов. На всё это с низкого северного неба беспристрастно взирало незаходящее арктическое солнце.

ГЛАВА 12

ЕКАЙКИН

Люблю людей, которые умеют молчать. Люблю смотреть на их лица, на морщинки в уголках глаз — они придают веселости взгляду, на их задумчивый профиль. Такое молчание присуще путешественникам или сподвижникам. В их плотном молчании — жизнь, история. Я смотрю на таких людей и знаю, что стоит им только захотеть, и слушатель с головой окунётся в их откровения, а всякое путешествие, на мой взгляд, и есть откровение. Они расскажут о своей жизни, нелёгкой, тернистой, запутанной, со множеством развилок, но эти люди не предают свою мечту, а следуют за ней, куда бы она ни вела. Хорошо сказал Куваев, что «...человеку, который решил жить по мечте, приходится трудно». Сама я не умею молчать, у меня толком нет истории...

В посёлке мне очень повезло встретиться с такими людьми. Это Жиль и Алексия, это люди, живущие в самом конце посёлка, в так называемом «научном городке», это шахтёр, который однажды остановил свой грузовик и зачем-то полез в кузов, затем догнал нас и, не говоря ни слова, сунул пакет с рыбой и быстро сел обратно в машину, это те, у кого ты вечерами сидишь на кухне при жёлтом свете и пьёшь чай, это люди, которые входят в твою жизнь, пусть и ненадолго, и оставляют в ней свой след.

Ещё одним из таких людей в посёлке для меня стал Екайкин. Екайкин был маленьким, щуплым, но заряженным энергией; ему было уже за 60, и его голову окружали мелкие седые кудряшки, но всякого человека в первую очередь привлекали его глаза. Принято считать, что глаза — это зеркало души. Вероят-

но, потому, что именно глазами мы видим всё хорошее и всё плохое в этом мире, глаза могут смеяться и плакать, глаза могут говорить. До приезда на остров я редко по-настоящему задумывалась об этом, но там мне повезло видеть глаза, которые никогда не лгут и смотрят на людей с такой добротой, что тебе становится тепло. Именно такими глазами смотрел на мир Екайкин, воспринимая всё либо с детским восторгом, либо с отчаянием пылкого влюблённого.

Екайкин из старожилов, из тех, кто не представляет свою жизнь без посёлка и без кого невозможно представить посёлок. Он — плоть и душа его, лучшее, что там есть. Он всегда на ногах, всегда в движении, он просто не умеет долго сидеть без дела. Жизнь его полна историй, приключений и перипетий, живёт он здесь последние лет десять, и, находясь в отпуске на материке, с тоской вспоминает заснеженные вершушки гор, холодный фьорд и думает: «Скорее бы домой».

Я не раз проходила мимо церкви в выходные и слышала колокольный звон. «Екайкин звонит», — говорили прохожие, и я шла дальше по своим делам, веря, что однажды я познакомлюсь с ним лично. Он — личность легендарная: и в самодеятельности участвует, и в колокола звонит, и на лыжах ходит, и следит за своим обширным научным хозяйством, даже снегоход он водит! Сейчас можно сказать, что на знакомство с этим во всех смыслах выдающимся человеком я была обречена.

Случилось это так: нас с Сашей позвали друзья сходить с Екайкиным в его обсерваторию на выходных. Мы, конечно, согласились. Шёл период активного снеготаяния. Доходило до того, что утром, идя на работу, мы проходили сугроб, а вечером, по дороге домой, его уже не было. Вода размывала дорогу, текла с гор, обнажала канавы и неровности поверхности. Посёлок преобразился на глазах. Екайкин шёл впереди нас бодрой пружинистой походкой, то и дело останавливаясь и вглядываясь в небо:

— О, вот там гуси пролетели. Они так охраняют свои гнёзда от бургомистров. Да-а! Это видеть надо! Те — только попробуй, сунься! Гуси им такое закатят, что те и близко не подлетают — боятся. Ох, олень прошёл, красавец какой! Они же сейчас лянть начинают, весь посёлок скоро в шерсти будет. Я иду как-то раз, а навстречу — олень. И тут ветер как назло подул, и стою я, значит, с головы до пят белый, в шерсти его, как в пальто. Они же вообще боятся людей, но им интересно всегда. Я тогда уйду куда-нибудь подальше, сяду на брёвнышко, а они, значит, давай кругами вокруг меня ходить, и так, знаете, ближе, ближе ко мне, и тут — раз! — один опёрся о мои колени лбом и как взбрыкнул ногами! Животные вообще добрые, за ними наблюдать — сплошное удовольствие.

И он говорил о животных долго, с азартом. Каждого он надеял своим неповторимым характером, мыслями, поступками. С неменьшим восторгом о животных рассказывал и Жиль.

Мы шли, общались, смеялись. Наконец, мы оказались у красного дома, низ которого был сплошь украшен белоснежными оленьими рогами. Это и была обсерватория. Тут проводились важные научные наблюдения, и за всем этим следил Екайкин. Деловито, по-хозяйски, он пригласил нас внутрь, налил чая, рассказывал о землетрясениях (они на острове не редкость и бывают довольно сильные). За разговором время пролетело совсем незаметно, и пора было возвращаться домой. Там ждала солнечная полночь и полный штиль на море, за окном нашего двадцать девятого дома паслись олени и где-то вдалеке пробежал песец.

Ещё одна прогулка с Екайкиным мне помнится особенно хорошо. В июне мы пошли к Северному мысу. Он, как всегда, много шутил, рассказывал про животных, с удивлением, будто в первый раз, смотрел на пролетающих белощёких казарок и поморников. Глаза у него при этом раскрывались, как у ребёнка, и становились совсем голубыми. Он жил в посёлке много

лет, и, зная это, я невольно задавалась вопросом: это какой же душой надо обладать, чтобы каждый год смотреть на смену времён года и так радоваться, так удивляться, будто видишь всё это в первый раз? В посёлке Екайкин был везде и всюду он был своим человеком, к нему вообще, как будто не прилипала никакая грязь.

Мы шли вперёд, позади остались вертолётка, ледник напротив неё... Неподалёку было видно, как через оттаявшую речку не спеша и грациозно, выгибая тело дугой, по очереди перепрыгивали олени. Перепрыгнув, они тут же, не останавливаясь, шли дальше; мы же шли неуклюже, опасаясь, что на любом шаге можем провалиться под снег, который стал уже очень рыхлым.

— Смотрите, где есть олени следы. Если есть следы, значит, можно идти, не провалимся. Олень же не дурак, он знает, сколько он весит и где ему можно ходить.

Хорошо идти по тундре туда, где раньше никогда не была, хорошо дышать чистым арктическим воздухом, хорошо никогда не знать, что ждёт тебя за поворотом, хорошо жить.

ГЛАВА 13

ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР

Наступил май. Мы жили в посёлке чуть больше месяца, а казалось, будто на днях только прилетели. Почти каждый день мы гуляли с собаками Жилия. Он доверял нам собак уже посильнее, они здорово тянули. Особенно это чувствовалось на спуске с горки. Как-то мы спустились на заснеженный пляж и долго-долго шли вдоль него; холодные морские волны обрушивались на берег, собаки радовались, как дети, то и дело забегали в воду и не хотели оттуда выходить.

Первомайскому выходному предшествовала не очень приятная история, случившаяся накануне, на уроке английского в начальной школе.

У завхоза было несколько детей, и жизнь столкнула меня с его младшенькой. Это была худая девочка со светлой косичкой на макушке. На первом моём уроке она отличилась тем, что опоздала и пришла без учебника. С ней поделились одноклассники, но оказалось, что она забыла ещё и карандаш. Девочке пришлось возвращаться в класс к классной руководительнице, и, когда она, наконец, вернулась, в руках у неё был полный боевой комплект: дневник, тетрадь, учебник и ручка. «Маша», — недовольно буркнула она и села за парту.

— Хорошо, Маша, давай-ка ты прочитаешь вот этот текст на странице пятьдесят девять.

— Я не умею.

— Но ты ведь учила раньше английский? Давай ты прочитаешь, как умеешь, а я тебя поправлю.

— Нет.

Большие глаза Маши наполнились слезами. Она твердила, что ничего не знает, потому что её родители не знают английского, а раз они не знают, то как же может знать она? Я пыталась было убедить её, что не знать — нестрашно, надо только начать учиться, а там я помогу. Толку не было. Класс с недоумением взирал на эту сцену. В итоге терпение моё лопнуло, я вклеила ей в дневник двойку и написала красочное замечание, что-то классически-учительское на тему: «Отказывается отвечать на уроке, родителей прошу проследить за подготовкой к занятиям!»

Казалось, эпизод был исчерпан, но на следующий день ко мне в детсадовскую группу зашла директор и серьёзно спросила, что у меня произошло с дочкой завхоза. Оказывается, тот давеча отловил директрису на полпути из магазина домой и, чуть не схватив за грудки, начал кричать: «Кого вы набрали в школу? Немедленно уберите англичанку, давайте вообще из посёлка её уберём!» Аккуратно удалось выяснить, что девочка Маша бурно разрыдалась, придя из школы, родители увидели замечание и страшно оскорбились.

— Я учил немецкий, — гордо заявил завхоз. — И я не буду сидеть и делать с Машей уроки! Ещё чего! Подайте мне эту англичанку, я поговорю с ней!

А потом наступили майские праздники, которые безнадежно испортило смутное ощущение, что меня вот-вот попросят из посёлка за мои воспитательные меры. И даже поддержка директрисы не помогла. Отвлечься удалось только на прогулке на мысе Южный, что находится в некотором отдалении от посёлка.

С обрыва на пляже свисали огромные прозрачные сосульки, в них отражалось незаходящее солнце, рядом синело море. В тот день был абсолютный штиль, всё замерло в преддверии праздника. Мы разговаривали, я смотрела на горы, наслаждалась тишиной, как вдруг...

— Стой! — крикнула мне Саша.

От неожиданности я подпрыгнула и чуть не упала: прямо передо мной на пляже мирно похрюкивал огромный морж. Он был такой большой, такой мощный, а я чуть не врезалась в него. Он-то как раз нас заметил, угрожающе приподнялся на передние лапы и начал трясти головой с огромными бивнями. Кожа у моржа была на вид бархатистой, без шрамов (видимо, молодой), маленькие глазки с любопытством смотрели на незнакомцев. Но мы ему быстро надоели, поэтому он заворочался, повозившись со своими огромными бивнями, в итоге воткнул их прямо в песок и почти немедленно душераздирающе захрапел на весь пляж. А мы ещё час сидели рядом. Я не раз видела к тому моменту бурых медведей, оленей, песцов, нерп, белух, но моржа — никогда!

Суровая реальность всё равно настигла меня в начале рабочей недели. С мученическим видом я зашла в кабинет директора и устроилась на кресле в самом углу. Вскоре прибыл и сам заведующий, но что с ним? При виде директора у него взмокла спина, он заметно нервничал, как провинившийся ребёнок. Говорить мне не пришлось.

— Ну блин, ё-моё, вы ж понимаете, я ж боюсь, что у неё совсем охота учиться пропадёт.

— Хорошо, но вы ведь понимаете, что ребёнок просто отказался участвовать в занятиях, а двойка поставлена только в дневник и специально для того, чтобы вы с вашей женой знали об имеющихся проблемах? Что вы нам посоветуете делать в такой ситуации?

— Ну блин, ё-моё, ставьте уж ей то, что она заслужила! Два, так два, и нечего её жалеть!

ГЛАВА 14

АРКТИЧЕСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Зима стремительно отступала. Пускай всё ещё в снегу, сугробы по пути из школы до столовой по-прежнему выше меня, но вот только воздух уже не такой колючий, во фьорде, куда ни глянь, всюду птицы, гора по дороге на вертолётку, словно живая: её облепили гуси, гагары, бургомистры и ещё десятки видов птиц. На улице жуткая грязь: снег начинает таять, и из-под него расплзается угольная пыль, в ботинки постоянно попадают маленькие камушки, а пол в квартире приходится мыть по несколько раз на дню, — такой вот он, май на острове.

В один из таких дней мы решили пойти в сторону ледника и дойти до какого-то загадочного домика, который, по слухам, там был. Нам отчаянно не хватало чего-то красивого и вечного в маленьком посёлке, где вся жизнь концентрировалась на одном лишь однообразном маршруте и сплетнях. Честно говоря, я была очень удивлена, что не все так делают и что есть люди, прожившие в посёлке два, а то и три года и ни разу не видевшие моржей.

Пожалуйста, не думайте, что стоит приехать в какое-нибудь красивое место, как на вас тут же свалятся все радости жизни: природа, дикие животные, особая северная атмосфера и так далее. Например, из посёлка, конечно, виден кусочек ледника (приблизительно напротив вертолётной площадки, куда ходить, к слову сказать, запрещено), но издали он просто похож на заснеженную гору. Чтобы увидеть моржей, песцов и птиц, надо на несколько километров уходить на север или на юг, лезть на гору,

спускаться к морю и постоянно, постоянно ждать. Чаще всего самые удачные фотографии, фильмы получаются у людей, которые подолгу путешествуют, а не приезжают на недельку. Выбор всегда за вами: жить безопасно по установленному регламенту или рисковать, нарушать правила, но пытаться получить новые впечатления, увидеть что-то прекрасное.

Есть, однако, возможность легально увидеть хоть что-то: это организовать группу минимум из трёх человек, оформить пару бумаг, взять в аренду оружие. Самостоятельно мне этим заниматься было тяжело, но в тот раз повезло — на помощь неожиданно пришла сама София Михайловна и позвала в «поход», как тут называют прогулки, со своим давним другом, жившим в посёлке уже лет 30.

Как описать вам май в тундре? Представьте себе белый снег, низкое, серое, почти молочное небо, белоснежные, острые, с чёткими геометрическими формами горы, чёрный пляж где-то внизу, чёрные кусочки вытаявшей из-под снега тундры. Встаньте на колени и увидите, что снег, который прекрасно держит вас на поверхности, вокруг буквально испещрён птичьими следами, а теперь сделайте шаг вперёд — и провалитесь по пояс. Наклонитесь пониже, закройте глаза, дышите — и почувствуете аромат мокрой тундры, перемешивающийся с запахом дыма от костра. Когда ты находишься там, всё остальное кажется таким мелким, таким несущественным, словно и нет мам с их вечными претензиями, нет будильника в шесть утра, и совсем не думаешь, как прожить оставшуюся неделю до зарплаты, когда денег почти не осталось, а ты и так весь месяц едва сводишь концы с концами. Остаётся простой счастливый человек. То бишь вы.

Первую остановку в чёрном балке мы сделали после 12 километров пути на юг вдоль фьорда. Балок — это передвижной дом на полозьях для временного жилья, коих за Полярным кругом встречается достаточно. Здесь принято называть их «домиками»,

но я по чукотской привычке настаиваю, что небольшой деревянный «домик», стоящий посреди тундры, — это балак. Перед тем, как попить чаю, пришлось навести порядок. Для меня это привычно, сколько раз такие балаки становились мне ночлегом, местом отдыха или перевалочным пунктом, — и каждый раз мы начинаем с того, что выгребаем кучу мусора и уходим, тщательно убравшись за собой. Вопрос в другом: почему другие не могут делать того же? Цените арктическое гостеприимство!

Впрочем, я снова отвлеклась. Мы растопили печь, набрали в местную кастрюлю снега и стали ждать, пока он растает и превратится в воду. В итоге из полной с горочкой кастрюли снега получилось несколько миллилитров воды, и мы то и дело выбежали на улицу за новой порцией. Так мы провели в балаке неприлично большое количество времени, пока, наконец, не захотелось идти дальше.

В ногах появилось знакомое чувство пружинистости, чёрно-белая арктическая дорога звала в даль. Впереди в страхе разбежалось стадо лупоглазых оленей, бешено кося глазами по сторонам и лихо вскидывая свои тонкие белые ножки; над головой пролетела стая полярных гусей с чёрными шеями, на утёсе сидел поморник, а неприметные пуночки тихонько чирикали где-то в стороне. От дороги меня вновь охватил трепет и чувство радости, прямо как у Высоцкого, помните? «Весь мир на ладони, я счастлив и нем, и только немного завидую тем, у которых дороги ещё впереди...» Мы спустились в долину, и теперь под ногами скрипел и оседал речной лёд. Идти по льду было неприятно, учитывая, что на днях группа туристов вместе с одним из гидов провалилась в воду. И всё же река тут вроде неглубокая.

В нескольких километрах от посёлка перед нами зачернели совсем другие горы, тут они были более правильной геометрической формы. Мы спустились к заливу и пошли вдоль него, через некоторое время дорога пошла наверх, снег тут очень плохо дер-

жал, и мы то и дело проваливались по пояс, идти так было довольно неудобно. Вскоре на пригорке мы увидели цель нашей прогулки — домик около ледника. Прошлым летом его подмыло, и теперь он лежал на боку у самого края обрыва. Сколько он пролежит так ещё — неизвестно; по посёлку одни говорят, что его скоро будут поднимать, потому что домик очень хороший и его жалко, другие же говорят, что этого делать не будут, у начальства и других забот полно, и что тратить рудниковские деньги на поднятие домика — пустая растрата. А он лежит на боку и ждёт своей приближающейся гибели...

Домик построили несколько лет назад, и он очень красивый: со светлой покатою крышей, с большим крыльцом, с просторными комнатами. Мы решили зайти внутрь, хоть было и непросто подниматься по лестнице, лежащей на боку: то и дело норовишь соскользнуть вниз. Внутри было ещё забавнее: привычные вещи становятся очень необычными, если их перевернуть. Так, если походить по стенам и по потолку, непременно закружится голова, а если вы захотите зайти в соседнюю комнату, то вам придётся лезть вверх по стене, цепляться руками за мебель и упираться ногами в дверной косяк. На все эти развлечения у нас был ровно час, потому что назад лучше возвращаться не ночью. Но нам хватило своей порции необычного и красивого на несколько дней вперёд.

ГЛАВА 15

ДЕНЬ ОБНОВЛЕНИЯ И УРОК ОТ МОРЖА

Май заканчивался. Наш привычный школьный мирок пережил серьёзное потрясение — переезд со второго этажа на первый. Как и любое стихийное бедствие, он застиг нас в самый неудачный момент — в тихий час. Надо было видеть глаза детей, когда, проснувшись, они не увидели ни мебели, ни знакомых игрушек в игровой комнате. Это напрочь выбило и без того нестабильных существ из колеи, поэтому они сперва с визгом и восторгом рылись в пакетах, раскидывали всё вокруг и в заключение рассыпали по полу горох (инвентарь для занятий моторикой), затем резко приуныли, а потом стали бояться, что родители их в новой комнате не найдут и никогда не заберут. Родители, конечно, нашли и забрали, попутно обругав слишком маленький новый ковёр (конечно, допотопный пыльный хлам был лучше). Прекратить поток возмущений смогли только завуч и директор.

Но самое большое потрясение — Варя со дня на день должна была уйти в отпуск на целых два месяца. Для меня это было страшно, и вот почему: два года назад она уехала из одного разрушенного города на Украине, приехала сюда и здесь заочно заканчивала институт. В отличие от многих жителей посёлка, Варя никогда не жаловалась на жизнь, никогда, ни единого раза не сплетничала и всегда была полной достоинства и терпения. Её выдержке мог позавидовать кто угодно, а ведь Варе только недавно исполнилось 20 лет. Маленькая, хрупкая и большеглазая девочка просто при-

ходила, а дети её уже любили, конфликты сами собой утихали, и у всех почему-то улучшалось настроение. И вот эта святая Варя всё-таки уехала в отпуск на два долгих, долгих месяца, дав мне последние наставления. Помимо Вари, в отпуск уезжала ещё и Софья Михайловна. Я не представляла, как садик останется без её присмотра. Да, у неё были свои странности, но у кого их нет? Зато она каждое утро заглядывала и спрашивала, как мои дела, защищала от разбушевавшихся родителей и других неприятностей.

День Рейса (именно так, с большой буквы каждое слово) — это большое событие. Раз в два месяца в посёлок прилетает самолёт, заказанный Москвой. Летит он преимущественно с теми, кто прибывает в посёлок, и улетает в тот же день с теми, кто едет на материк. Для немногочисленного населения посёлка это грандиозное обновление: единственную улицу заполняют только что приехавшие рудниковцы, которых сразу заметно по удивлённым глазам и непрестанно поворачивающимся головам. «Новенькими» они считаются ровно до следующего чартера. Так что мы в этот день окончательно записались в «местные».

День Рейса — это день радостных встреч, ведь приезжают отпускники, к шахтёрам приезжают жёны с детьми. Нет-нет, да и проберутся в их толпе последние романтики, мечтающие прикоснуться к Арктике. А ещё каждый раз кто-нибудь уезжает навсегда, так что это также и день горьких разлук. Посёлок предполагает только вахтовую жизнь, то есть временную, непостоянную. Здесь нет роддома и кладбища, приехал, пожил, пошёл дальше. Иногда, уезжая навсегда, люди возвращаются и остаются в посёлке на долгие-долгие годы, хоть и бывает это не так часто. Но, что поразительно, в этой нестабильности и непостоянности есть удивительная статичность и рутинность.

И вот после такого светло-лиричного события мне предстояло свыкаться с новой действительностью.

— Алин, можно тебя на два слова? — позвала меня директор.

В залитой мягким светом комнате мирно сопел десяток детей.

— Конечно.

— Смотри, сейчас вернётся воспитатель, которая была до тебя, давай июнь ты побудешь помощником, а с июля я тебя совсем заберу из сада, и ты станешь начальником летнего пришкольного лагеря и учителем английского.

В раздумьях я согласилась. Тогда я ещё не знала, что с этого начнётся моя удивительно головокружительная карьера, которую я успела сделать в посёлке всего за полгода.

Вечер того трудного дня мы с Сашей решили скрасить прогулкой по пляжу в сторону вертолётки. Погода разгулялась, в небе неизменно сияло холодное северное солнце. У самого посёлка лежала целая гора водорослей, в которой радостно копошились кулики; завидев нас, они стремглав убежали на своих длинных ножках. На горизонте виднелась соседняя группа островов, все горы были как на ладони. Мы вновь вспомнили, что живём в Арктике, что ещё одна наша мечта стала явью, и это было так прекрасно, так удивительно...

Вдруг Саша остановилась и резко схватила меня за руку. Раздалось оглушительное хрюканье, как будто вода в кальяне. Я оглянулась и увидела источник шума: в паре метров от нас лежали два моржа. Они мирно спали, прижавшись друг к другу бархатистыми коричневыми боками, когда мы потревожили их сон. Один из них грузно приподнялся на лапы и начал грозно вздымать голову и раскачивать ею. Одновременно с головой раскачивались и два его несравненных, длинных и потрясающе гладких бивня. Маленькие глазки смотрели сердито и с укором: чего, мол, пришли, дайте поспать спокойно.

Позлившись минут пять, он явно устал (или лапы затекли), лёг и вновь оглушительно захрапел. Стоило бы, конечно, свернуть

назад, но нам так хотелось в тот день пройтись дальше, стать ещё чуть ближе к Северному полюсу, так что мы рискнули — и пошли между моржами и водой. Мы знали, что это опасно. Да, моржи грузные, и говорят, что на земле они совершенно безвредны, но вдруг вам попадётся сильный и молодой зверь, который в секунду преодолеет эти три-четыре метра, разделяющие вас. Стоило нам пойти, оба сладко спящих моржа моментально проснулись, взбесились, с кряхтением приподнялись на передние лапы и как начали храпеть, плевать и трясти своими бивнями, что пришлось спасаться бегством. Но всё обошлось, мы оказались быстрее, а недовольные звери поспешно скрылись в синей воде, подальше от нас, надоедливых. Можно продолжать прогулку.

— А пойдём до того большого валуна дойдём и обратно? — предложила Саша.

Я была только за. Шли мы, шли дальше на север, а валун этот вдруг как захрапит! Да так сильно, что я от неожиданности в снег села. Оказалось, не камень это был, а ещё один морж. Этот, правда, был не таким упругим, как предыдущие. У него были худые рыжие бока и длинные прозрачные усики, которые печально свешивались на пожелтевшие потрескавшиеся бивни. А ещё, судя, пардон, по запаху, это был морж-дед.

Со словами: «Нам никто не поверит...» — Саша достала фотоаппарат и запечатлела его. Дед проснулся и исподлобья смотрел на нас крохотными глазками, но вовсе не зло, а ласково. Он был явно мудрее тех молодых, толстых, и не считал нужным попусту напрягаться. Вместо этого он перевернулся на бок и предпринял бесчисленное количество попыток почесаться задними лапами. Мы обнаглели от его доброжелательности и смотрели на эту сцену ещё минут 15, пока, наконец, он неохотно приподнялся и хрюкнул, напомнив нам о правилах приличия. Мы развернулись и пошли в сторону дома, а морж, явно довольный собой, улёгся на спину, подставил солнцу свой худенький живот и захрапел на весь остров.

ГЛАВА 16

БЕЗДНА ОТЧАЯНИЯ

Лиман дышал. То и дело в его волнах мелькали толстые бока белух и выныривали хитрые нерпичьи головы. Вода наполнилась вздохами, сопением. Там непрерывно шла жизнь. Со стороны воды дул сильный ветер, и, чтобы пройти по улице приходилось, вжимать голову в плечи и сгибать корпус. Местные, красивые темноволосые и скуластые люди, слово и вовсе не замечали ветра: им нипочём, что на дворе лето, а они в шапках и осенних пальто. Они — дети Севера, дети тундры, дети холода...

Я резко подскочила на кровати от звонка будильника. Ночью мне опять снился Анадырь и снился так явно, так реально, словно я всё ещё там. Я страдальчески откинула одеяло и привычным движением спустила ноги с кровати прямо в тапки, чтобы не наступать на ледяной пол. Пора собираться на работу.

Случилось очень много чего. Например, был приятнейший момент, когда я проснулась утром и воскликнула: «Ура! Я выспалась!» Это был первый день работы в качестве помощника воспитателя, и мой рабочий день начался в 8:00, а не в 7:00, как обычно. Этим счастливым утром я наконец-то увидела, как поселчане идут на работу: некоторые собирались компанией и не спеша топали в сторону АБК, некоторые явно опаздывали и то и дело переходили на трусцу, вот в своей неизменно плоской шапочке, на машине с эмблемой рудника проехал Борис Иваныч — в сущности, чудесный и душевный человек, уroje-

нец Воркуты. Словом, посёлок проснулся и готов был начать новый день. Этот день готова была начать и я.

Когда я выходила из квартиры, коридор общежития заливал жёлтый солнечный свет. Я привычным движением повернулась к окну с видом на Северный полюс и заметила, что сугробы на улице вроде стали чуть меньше. На дворе было первое июня, наступило лето, по этому поводу на мне были надеты фиолетовый пуховик и пуховая жилетка, с зимней курткой и термобельём было покончено! Навстречу мне спешила одна из самых активно сплетничающих обо мне мам. Натянув улыбку пошире, я радостно поздоровалась и хотела было пойти себе дальше, но она меня задержала:

— Алина Игоревна! Да на кого ж вы нас покинули? Вы ж для моего сына — всё! А теперь вернулась эта наша старая воспитательница, он у меня будет плакать и в сад не захочет идти!

— Эм? Вы что-то путаете, это ваш сын ко мне в сад идти не хотел и плакал, а я вам всем ужасно не нравилась, вы забыли?

— Да нет, помню! Но это ж когда было? Мы же вас тогда совсем не знали! Ну, бежите, бежите в садик, там вас наши детки заждались совсем!

Я ещё ни разу не видела другую воспитательницу, а мне уже искренне стало жаль её. Ну неужели эти люди никогда не успокоятся и так и будут развлекать себя всю жизнь грязными слухами и разговорами о других? Почему нельзя просто жить и следить за собой и за своей семьёй? Почему после долгих выходных их дети приходили ко мне в группу, чокались стаканами с компотом, могли сказать матерное слово (конечно, несознательно и не зная, что оно означает), а из шкафчиков у некоторых вместо привычного запаха стирального порошка пахло сигаретами?

В маленькой школьной раздевалке уже переобулась Аня — помощница воспитателя в старшей группе. Вместо тишины меня

встретил непривычный утренний шум: в группе уже собрались все дети, и теперь они галдели и бегали в ожидании завтрака. Новая воспитательница оказалась женщиной средних лет с характерным украинским говором и крайне сомнительными, по моему мнению, взглядами на интерьер игровой: ковёр был перенесён с привычного мне места и приклеен к полу скотчем; поделки, которые я делала вместе с детьми и ещё не успела раздать родителям, красовались теперь в мусорном ведре. Да и чёрт с ними — решила я и отправилась накрывать на стол, болтать с поваром и заниматься другой рутинной: надо было отнести огромные тюки постельного белья в прачечную, накрыть на стол детсаду, школе и потом ещё убраться.

В группе тем временем не умолкал детский плач: то были трое новеньких, два мальчика и одна девочка. Щекастый мальчик отказывался замолчать часа три как подряд, девочка ему вторила. А я сидела и механически думала, каким же необычайно вкусным стиральным порошком пахло от той девочки, не нашим, поселковским...

Дверь открылась, и на пороге появилась Аня, помощница воспитателя из старшей группы:

— Алин, ну что, ты идёшь? Пошли, я тебе покажу, где прачка, а потом на стол накроем.

Аня мне всегда нравилась, она как-то резко контрастировала со многими. Со временем выяснилось, что у неё два высших образования, в посёлок она приехала вместе с мужем. Аня была весёлым и очень лёгким человеком. К сожалению, скоро она переходила работать в бухгалтерию, поэтому сейчас пыталась успеть рассказать мне как можно больше о работе помощника. А у меня то и дело возникали вопросы: где взять моющие средства? Где прачка? Как часто надо менять бельё? Кто из детей за каким столом сидит в столовой? Кто из них что ест? Сколько хлеба класть? Аня всегда терпеливо отвечала мне и повторяла то, что я успевала забыть.

Мы с ней оделись, нагрузились тюками с бельём и, как два беженца, пошли через дорогу в прачечную, в здание рудоуправления. Надо было спуститься вниз по обшарпанной некрашеной лестнице, повернуть налево, затем направо, потом ещё повернуть куда-то, потом ещё и только затем мы оказались в комнате с начищенными полами и наглаженными простынями, аккуратно сложенными в мешки. После прачечной надо было на склад, он находился на улице, рядом с АБК. Нам пришлось вновь долго вихлять по рудоуправлению, выйти к деревянному коридору, в котором пахло баней и висела табличка со стрелкой: «Вход на шахту», повернуть куда-то опять, и только после всех этих плутаний мы оказались на складе. Там мы забрали моющие средства и ещё что-то для школы и, опять нагрузившись вещами, вернулись, и, не успев разогнуть спины, пошли накрывать на стол. У меня сначала плохо получалось, я ставила только по четыре тарелки с супом на поднос и один раз чуть не опрокинула всё сразу. Аня же ловко лавировала по столовой с нагруженным подносом. Она помнила, кто из детей где сидит, что они любят, что нет, знала, сколько хлеба каждый из них съест. После сада надо было накрыть на школу, затем пойти обратно в группу, разбудить детей и накормить их полдником (вновь накрыв на стол).

Но самое тяжкое ждало меня вечером — чистка унитазов. Да-да. Сидела я такая, с дипломом МГУ, знанием нескольких языков, чистила унитазы и пыталась не утопиться от тоски в одном из них. Кто бы мне сказал тогда, что скоро меня ждёт головокружительный взлёт — рассмеялась бы в лицо.

Пока лишь делалось всё хуже и хуже: воспитательница заболела на второй же день выхода на новую работу, так что мне пришлось разрываться на части и замещать ещё и её. День снова начинался в шесть утра и состоял из десяти часов непрерывных криков, слёз и беготни. У меня не то что обеденного перерыва не стало — даже возможности уединиться на полчаса

с чаем не было. К концу дня я так уставала, что еле держалась на ногах, а ночью, когда ложилась спать, в голове у меня звучали детский плач и крики, услышанные за день. В один из таких дней даже моя давняя недоброжелательница из числа мам посмотрела на меня с нескрываемым сочувствием и извинилась за гадости.

Помню, после работы я записала в дневнике чувства, обуревающие меня во время тихого часа. Перепишу здесь, как есть:

«Глаза слипаются, как же хочется спать! За окном всё белое: ночью опять была настоящая метель, и ей абсолютно всё равно, что сейчас июнь! Был тихий час, и все дети мирно сопели под тёплыми салатовыми одеялами. Их дыхание удивительно усыпляло, и больше всего на свете мне хотелось присоединиться к ним, но нельзя. Я уже как полчаса укачивала Васю на руках, он несколько раз переставал вертеться и шуметь, глаза его начинали задумчиво смотреть куда-то в потолок (верные признаки, что он вот-вот заснёт), но потом он вдруг вскакивал, чмокал губами и продолжал опять прыгать по кровати. Мне приходилось вновь брать его на руки и укачивать. Помимо невольно закрывающихся глаз, у меня ещё очень болели лопатки от укачиваний тяжёлого ребёнка. И вспомнилось мне вдруг июльское утро. Ещё совсем рано, но в комнате уже очень жарко, сквозь открытое окно доносятся звуки работающей у соседа газонокосилки (как по мне, так это лучшие звуки лета!), где-то в отдалении звучит смех и чей-то весёлый разговор, а в сених охает и вздыхает бабушка. Она уже проснулась и, как всегда, старается ходить по дому очень тихо, чтобы никого не разбудить. Как правило, ей это не удаётся, и она всегда расстраивается по этому поводу. Бабушка зашла на кухню, и нас с ней теперь разделяет только тонкая стена. Она гремит ведром и озабоченно бормочет себе под нос:

— Да куда же я их дела? Э-э-э-эх! А, вот они где у меня лежат, оказывается!

В ведре у неё свежая колодезная вода, та самая, от которой в любую жару зубы сводит от холода, и оттого ей невозможно напиться.

Я вздрагиваю. Нет, не было никогда этого июльского утра, газонкосилки... Была только метель, этот снегопад, это изматывающее желание спать, и была ещё ноющая боль в лопатках. Тихо-тихо, Вася, спи, я качаю тебя уже сорок минут, а ты всё вырываешься и шумишь. Нет, нет нигде никакой жары и колодезной воды, это всё выдумки. Есть только снег и есть только ты. Спи, пожалуйста. Ну вот ты, кажется, и уснул».

Однажды, убирая игрушки в конце рабочего дня, я вспомнила один эпизод из своего собственного, давно ушедшего детства.

Я впервые выхожу на сцену. Генеральная репетиция. В глаза резко бьёт свет софитов, и поэтому они слезятся до рези. «Нельзя щуриться. Надо выйти на сцену уверенно. Только тогда вы сможете донести до зрителя то, что надо. С самого первого вашего выхода и только так», — говорит нам режиссёр. Чуть позже в музыкальной школе мне объяснили, что пьеса начинается с первой ноты, и если взять её неправильно, хорошо сыграть уже не получится. Ну а в жизни? В жизни всё начинается с первого вдоха, и мы уже никогда не сможем сделать второй первый вдох. К чему всё это? А к тому, что, как бы трудно не было, надо с самого начала пытаться жить «по мечте», и тогда обязательно получится оставить свой след и только тогда можно будет с уверенностью сказать, что не зря ходишь по этой земле.

Каждый из нас приехал в посёлок за чем-то своим. Тут нет героев и кумиров, все — совершенно обычные люди со своими желаниями, проблемами, придуманными и настоящими историями, собственным видением мира и своего места в нём. И все мы, такие разные, набились в крошечный арктический посёлок на самом краю мира.

Я ведь не раз до этого бывала на Севере и точно знала, что он мне нужен. Конечно, когда сидишь дома в Москве, в голове слишком уж романтизированные картины плывут. Например, полярная ночь, через всё небо горит зелёное северное сияние; посёлок с красными домами, почти по окна занесёнными снегом; тут и там раздаётся лай лохматых ездовых собак; под ногами скрипит сверкающий снег, а где-то в тундре протяжно завывает ветер. В стороне стоит здание местного аэропорта, из тех, где вместо зала ожидания накопитель, а вдоль стен с тёмно-зелёной облупленной краской сидят на старых деревянных скамьях уставшие люди с тюками и посеревшими от ожидания лицами. В углу непременно стоит стеклянная витрина, где лежат фотографии Водопьянова, Бабушкина, Шмидта, Седова... Работники аэропорта обращаются к ожидающим на «ты», ведь тут все друг друга знают и при встрече приветливо улыбаются и говорят: «О, и ты в отпуск! Ну, бывай, привет там материку!» А материк — это... это большая Земля, где много-много людей, больших домов, разных автомобилей, вообще много всего. Материк — это Земля изобилия, но нет там холодных брызг океана, ветра 40 м/с, северной ягоды — морошки, тундровых грибов и разноцветных домов на сваях. Там нет того, что любой северянин привык называть своим домом.

Нашла ли я всё это тут, в маленьком посёлке на острове? И да и нет. Я шалею от восторга, когда смотрю на это низкое вечно серое небо, на графичные бело-чёрные горы, чьи верхушки сливаются с небом; когда слышу в небе дробный щёлкающий звук — это пролетают гуси; когда слышу протяжный, выматывающий душу голос гагар; когда чувствую запах сырой, вытравившей изпод снега тундры. И я очень боюсь потерять это волшебство из-за вечного недосыпа и измотанности, сплетен, отсутствия денег, разочарования от невыполненных обещаний Орешко (поездки к ледникам и вот это вот всё).

...Изменилось всё в момент. Директриса давно уже говорила, что заберёт меня из детского сада и оставит учителем английского, и ещё сделает начальником летнего лагеря. Однажды она позвала меня к себе в кабинет и сказала: «Ну, принимай дела. Я уезжаю в отпуск... Ну, надолго. А ты останешься тут за главную. Приказ на тебя уже вышел, скоро подпишешь его».

Почему-то я ясно почувствовала, что она не вернётся. И оказалась права.

ГЛАВА 17

«ВАС МНОГО, Я ОДНА»

Время шло, каждый вечер мы с Сашей по-прежнему ходили к вертолётке, играли в бадминтон в СК, иногда оставаясь там до часу ночи, и возвращались домой по тихому спящему посёлку, в окна которого светило яркое солнце. Многие жители в полярный день занавешивают окна покрывалами, а в полярную ночь снимают их. Получается, что в домах у них темно, на работе тоже (если это шахта), и единственный свет, который они видят, — это те пять минут, которые занимает дорога от дома до работы. Многие жалуются, что не могут спать, всю ночь просыпаются. Я ничего такого не чувствовала, и единственное, что настойчиво будило меня, — это звонок будильника. И так от понедельника до пятницы, кофе на подоконнике сменяется вином и потом опять кофе, горы в окне — в июне и июле с их верхушек сползал густой белый туман, совсем как на Чукотке. И всё-таки это было совсем другое место, совсем другая Арктика.

В один из ещё безмятежных июньских дней к нам пришёл в гости учёный. Общение с учёными было очень приятно и очень кстати. Наслушавшись за день криков и воплей, приятно было слышать такие красивые слова, как «батометр», «обработать пробы», «поехать на суточные» и так далее. Вот это настоящий полярник. Да, пускай весь посёлок обклеен объявлениями, начинающимися со слов: «Уважаемые полярники!», но что делает из человека полярника? Разве может тот, кто приехал просто заработать денег и отсидеть свой контракт называться им? Для меня, как ни крути, полярник — это тот, для кого Арктика и Антаркти-

ка — не пустой звук, кто годами стремится попасть туда и попадает, кто совершал великие открытия, кто осваивал и до сих пор осваивает высокие широты, для кого имена Нансена, Амундсена, Седова, Шмидта, Моусена, Скотта (и т.д., список бесконечно длинен) святы, кто работает во благо науки и чья жизнь — это Крайний Север или Крайний Юг. Человек же незнающий, не желающий знать, работающий лишь ради себя, ради наживы, оскорбляет честную и благородную профессию полярника.

Однажды к нам в посёлок привезли картошку. Нет, не подумайте, она там и раньше была, но... сладкая. То ли в силу сорта, то ли перемороженной была. А тут нормальная, обычная. Звучит странно, но это маленькое происшествие уже показалось чудом, ведь рутины после отъезда директрисы заметно прибавилось.

— Заказывать еду для школы, составлять меню, заказывать всю химию, всё необходимое, отвечать за лагерь, организовывать мероприятия будешь теперь ты. В конце июля приедет София Михайловна, тебе станет легче. Смотри, в этой папке все документы по лагерю, в этой — по кухне. Тут я написала тебе инструкцию, как заказывать детям подарки (если понадобится), как оформлять экскурсию с детьми с выездом из посёлка. Ах да, на почту иногда приходят письма, если что-то непонятное — пиши, я на связи. Удачи! Ты, главное, улыбайся побольше и не обращай ни на кого внимания, — наставляла меня в последний раз директриса.

Последние дни я не вылезала из её кабинета, осваивая новые обязанности и задавая порой глупые вопросы. Мне вручили тяжёлую связку ключей от всего, что можно открыть и закрыть в школе, ко мне подходила уборщица, чтобы я дала ей то или иное моющее средство, я заказывала у повара меню и делала ещё тысячу вещей для того, чтобы школа нормально функционировала. На подоконнике в красивом плетёном горшке росло

маленькое зелёное нечто. «Это базилик», — объяснила директриса. «Он у меня сдохнет, у меня два кактуса погибло!» — запротестовала я, но базилик был брошен на погибель и теперь жалко и робко жался к оконному стеклу.

Официально я ещё не вступила в должность, но кого в посёлке это волновало? Тишину кабинета разрывали телефонные звонки:

— Алло, Алина? Это из рудоуправления... Табеля делать надо!

— Алина Игоревна? Это из рудоуправления, заберите у нас документ на новые тарелки, распечатайте трижды, подпишите, потом отнесите на подпись в центр туризма, потом завхозу, а потом нам сюда!

— Алло, школа? Вам со склада звонят. Вы когда заберёте уже бумагу? Она уже две недели тут лежит, заберите!

— Школа? А позовите того-то...

— Школа? А сколько человек у вас работает? Ах, не знаете... Ну посчитайте!

В тот момент, когда я хотела отключить телефон или посоветовать товарищам из рудоуправления самим сделать с накладными что-нибудь непотребное, в кабинет пришла Саша и сказала, что рабочий день вообще-то закончен и что неплохо бы нам поскорее идти домой, тем более, что пятница и сегодня можно пойти гулять ночью.

В ответ на мой бубнёж, что я только закажу меню на понедельник и сразу уйду, Саша сочувственно посмотрела на меня и сказала, что пойдёт займёт пока очередь в магазине, потому что у нас опять дома шаром покати. А я тем временем поплелась на кухню.

Кухня в школе — вершина кулинарного искусства, ведь тут еженедельно несут вахту повара из двух ресторанов посёлка. Еда выглядит всегда безупречно, ну а повара — прекрасные ребята, с которыми всегда можно потрепаться о жизни. Впрочем, им то-

же то и дело доставалось от местного населения, в основном из-за детей. Однажды повар нарезал хлеб к обеду, я разложила его по порциям, как обычно, но дети съели его очень быстро, и сразу же я услышала гневную тираду, что это совсем уже безобразие и что детям мало хлеба дают. Буквально на следующий день ребёнок не захотел есть хлеб с маслом, повар нарезал мне несколько кусочков, которые я горкой сложила на блюде. «О, Боже! Это он что сделал? Как свинье навалил!» — и так далее.

Итак, заказав у этих мужественных ребят меню на понедельник, я наконец-то оделась и вышла на улицу. Снег почти растаял, и теперь можно было разглядеть детскую площадку напротив школы. Магазин почему-то пустовал, и продавщицы, как всегда, вежливо улыбаясь, интересовались, когда я начну вести английский у их детей, спрашивали у Саши, хорошо ли они себя ведут, нет ли проблем с учёбой. «Скупившись», мы пошли домой. Впереди были выходные, и на них у нас были большие планы.

На днях нам пришло задание от знакомого: как можно скорее перенести метеостанцию на Южный мыс, предварительно считав с неё полученные данные из центра посёлка, где мы её установили ещё в апреле. Тогда, помнится, кругом были огромные сугробы, и, пока один из местных привязывал её по второму кругу (видимо, чтобы бургомистры не уволокли), мы с Сашей отчаянно замерзали, потому что, вопреки здравому смыслу, надели джинсы, а не пять пар штанов с утеплителем. Сейчас картина совершенно изменилась: снега было сильно меньше, чем по пояс, и мы легко поднялись по склону, над нами парили, истошно крича, бургомистры — где-то рядом у них были гнёзда, — а под ногами местами уже проглядывала тундра.

Метеостанция была в полном порядке и исправно записывала все необходимые данные, правда, близость чаек, конечно, сказалась на её внешнем облике. Мы отнесли её в дом, считали данные, отправили их и, весьма довольные, пошли гулять в го-

ры, как иногда делаем. Сегодня мы придумали маленькое приключение: пойти дальше и подняться на небезызвестную гору Треугольник. Название ей дано за острый пик треугольной формы, а примечательна она тем, что мнение посёлка на её счёт разделилось: одна часть говорит, что это вполне себе нормальная гора и что подняться туда легко, другая же — не согласна категорически и считает, что тут нужен целый день и солидная экипировка.

Мы пошли со знакомыми из научных работников. Один из них уже год провёл в посёлке и был известен, как выдающийся спортсмен: он превосходно катался на лыжах и даже занял первое место в лыжном марафоне на острове. Он был высоким и худощавым мужчиной, про таких говорят, что они двужилые: лёгкой летящей походкой он обогнал всех и взлетел на Треугольник минут за 40. Мы плелись в конце и поднялись за час. Это и правда оказалось совершенно нетрудно, разве что из-за разреженного воздуха сбивалось дыхание, что, впрочем, случилось и в посёлке и постыдным вовсе не являлось, — всё-таки близость Полюса сказывается. Ближе к вершине всё заволокло туманом, и мы пошли по свежему снегу. Прекрасного вида на посёлок мы так и не увидели, зато спуск вниз, скользя по снегу, доставил массу радости.

Как бы прекрасны ни были выходные, они подошли к концу. Дни на работе стали проходить спокойнее и проще: кто-то в посёлке уже пустил слухок, что я иду на стремительное повышение, и меня теперь называли не иначе, как Алина Игоревна, причём, даже те люди, которые раньше обращались исключительно по имени и на «ты». Не подумайте, я терпеть не могу всех этих формальностей и просто ненавижу, когда меня называют по имени-отчеству. Но факт есть факт: из воспитателя, которого порочили многие мамы посёлка, я стала «весьма уважаемым человеком». А когда мы с директрисой ходили на совещание

в ГСВ, любопытствующие так и засыпали меня вопросами: а что ты натворила? А зачем туда идёшь?

Существует расхожее мнение, что на совещании в ГСВ бывают только провинившиеся люди, которые стоят на ковре у начальника горноспасательного взвода и, теребя в руках некий предмет и отчаянно заикаясь, дают торжественную клятву никогда более правил не нарушать и плохо себя не вести. Меня, однако, ни разу ещё за нарушением правил не ловили, а на совещании мы обсуждали вопросы, связанные с безопасностью детского пришкольного лагеря, начальником которого я являлась теперь. Однако местные генераторы вопросов не унимались.

К концу одной из рабочих недель я так выдохлась, что еле держалась на ногах. У меня ужасно болела голова, а настроение было такое, что казалось, что всё хорошее и красивое в жизни уже прошло, а дальше мне только и остаётся, что жить кое-как и терпеть. По себе знаю, что когда бывает такое состояние, нужно срочно менять обстановку, но как сделать это в маленьком закрытом посёлке? Вообще так получалось, что в Москве общения и людей вокруг было гораздо меньше, чем на острове. Именно в такие дни я с нежностью и ностальгией вспоминала переполненное метро в час пик, ведь там столько народу, но при этом никто тебя не знает и никому до тебя дела нет, и, поверьте, это не так уж и плохо.

ГЛАВА 18

СФИНКС И ЛОВУШКА ДЛЯ ДИРЕКТОРА

«Отгул!» — сладко подумала я вечером и была разбужена в восемь утра прибежавшей домой Сашей.

— Вставай! Нас с тобой на совещание к генеральному директору вызывают через 15 минут!

— Но я... у меня отгул, я сплю тут... Ну почему я?! — возопила я, но Саша уже убежала на работу, так что пришлось мне страдать в одиночку.

В рудоуправлении, в приёмной директора, на кожаном диванчике, под пристальным взглядом яростно печатавшей что-то на компьютере секретарши уже сидела Саша и школьный математик. Я присоединилась и попыталась завязать разговор:

— А зачем нас вызвали, не знаете?

— Не знаю.

— А зайти-то туда можно?

— Нельзя. Я скажу, когда можно.

Ладно, ладно, далеко не все с утра встают в хорошем настроении, это мне хорошо известно, но зачем такие жестокости делать? Меня разбудили особенно зверским образом ранним утром, когда я была как раз на середине дивного сна, где я бегала по зелёному лесу и наткнулась на мою любимую сирень. Там, во сне, ласково припекало солнышко и порхали мотыльки, в ветвях деревьев чирикали птички...

— Не-е-ет! — раздался скорбный возглас секретарши. — Алина, а ты же вот английский немного знаешь, да? А ты не можешь мне вот тут документик перевести?

Поняв, что иного выхода у меня нет, я подошла к компьютеру. — Так, понимаете, английский-то я знаю, но вот этот документик на норвежском, а норвежского я как раз не знаю.

— Ну а какая разница? Они же одинаковые... Ладно, проходите уже к генеральному.

Я начала было готовить образовательную тираду о том, что между английским и норвежским разница примерно такая же, как между небом и землёй, солнцем и луной, летом и зимой, но перед нами уже гостеприимно распахнулась дверь. Там сидел генеральный директор. Его фигура волновала и устрашала, усмиряла и укрощала всех. Перед каждым его приездом в здании рудоуправления мыли лестницу, а при его появлении где-нибудь громким шёпотом объявляли друг другу по сарафанному радио: «Сфинкс идёт!» Говорят, это прозвище он получил за пронизательный ум и природную хитрость: работал он, в основном, в Москве, но даже на таком расстоянии умудрялся держать всех жителей посёлка под контролем. Именно поэтому я ожидала увидеть сурового исполнителя закона, неумолимого Жавера, но... во главе стола сидел обычный человек в мягком свитере с ромбиками.

— А вы, значит, и есть начальник? — спросил он. — Всё знаете, ничего не боитесь?

— Да нет вроде, — в недоумении пожала плечами я. — Ну разве что табеля составлять не умею, а тут с меня требуют.

Сфинкс тут же позвонил кому-то и сказал, что мне надо пойти в отдел кадров. Там на меня с шипением накинулись завхоз и дама из отдела кадров:

— Да кто тебя просил генеральному-то про табеля рассказывать?

— А что? Вы ж сами хотели, чтобы я их составила, а я не умею.

— Мы сами, сами всё сделаем! — замахали те на меня руками. Я закрыла за собой дверь и вышла на улицу. Да, отгул явно

пошёл не так, как я планировала. Я печально побрела домой завтракать, а потом на работу, где меня ждали горы непрочитанных бумаг и неотвеченных писем. Так безрадостно начиналось моё руководство школой. Ещё надо было продолжать разбираться со своими обязанностями и помочь в детском саду накрыть на стол.

Дошла до работы в свой отгул я неспешно, минут за десять, и с чувством глубокого сожаления зашла внутрь: погода стояла прекрасная, чистый горизонт обнажал все горы, которые почти всегда скрывал густой туман, а солнце приветливо ласкало чёрные воды фьорда.

В школе было тихо. Я разделась, поднялась на второй этаж и вошла в свой новый кабинет. По размерам он напоминал нужник, на стенах были светло-фиолетовые, кое-где ободранные и свисающие клочками обои. Примерно половину всего помещения занимал письменный стол и пара кресел для гостей. Я села на стул, который опускался, когда на него садились, и со вздохом принялась разбирать документы по папкам. С подоконника на меня сиротливо смотрел крошечный зелёный базилик, я поливала его и опрыскивала водой из красивой бутылочки по несколько раз на дню, и он начал подрастать и каждый раз после поливки заполнял кабинет приятным острым запахом. Некоторое время я просто сидела на стуле и думала о жизни. Точнее, «за жизнь», как сказали бы тут. Украинский язык начинал плотно укореняться в моей голове, и меня больше не смущали такие слова, как «скупляться», «прилаживать», «стулочка», «ложи», «бежи», «звОнить» и так далее. Наконец, я встала и уныло потопала вниз на кухню, где повар уже предусмотрительно расставил порции на специальном столе.

— Привет, Дим. Я сейчас накрою и инвентаризацию проведу тут у тебя. Подумай пока, где у тебя здесь стол с подогревом и всё остальное из этого списка.

Накануне мне пришло очередное письмо из рудоуправления, в котором было написано, чтобы я присвоила инвентарные номера некоторым вещам на кухне, компьютерам и вообще зданию школы-детского сада. Я решила начать с малого, то есть с кухни, но сначала надо было накрыть на стол. Я вспомнила свой первый день в качестве помощника воспитателя: было тяжело и страшно носить тяжёлые нагруженные подносы, как моя помощница, а теперь я не уступала ей.

— Алина Игоревна, а вы не знаете, чей это волос попал одному из детей в суп? Тёмный и вот такой примерно длины (показывает на пальцах, как мой). А то всех детей чуть не стошнило, и мы все, взрослые, еле сдержались... Вот чей волос был?

Внезапно возникшая на дороге уборщица в красках продолжала расписывать, как они чуть коллективно не позвали Ихтиандра, а я стояла в полном недоумении.

— Ну, ты намекаешь на меня, верно? Так прямо и говори: «Алина, твой волос попал ребёнку в суп».

— Я? Нет... Я просто... просто интересно, чей волос был! — и уборщица в смятении пробормотала ещё что-то насчёт того, что у неё заканчиваются моющие средства, и ушла.

Да, посёлок неисправим, да я и не знаю, что должно произойти, чтобы люди перестали вставлять друг другу мелкие шпильки и сплетничать. У каждого из этих людей была причина поехать сюда, и почти всегда эта причина очень безрадостна: война. Война, которая отняла у них мирное время, у многих она забрала дома, работу, и им было просто некуда вернуться. С таким багажом людям не до Арктики, не до мыслей о высоком. Впрочем, меня всё-таки поражала местная традиция поговорить за спиной: сначала говорили обо мне, потом стали при мне обсуждать друг друга, а вскоре, к моему вящему ужасу, некоторые стали пытаться со мной обсуждать своих подруг. Я отрецировалась от таких разговоров, как могла, но всё-таки мне приходилось слу-

шать, как кто воспитывает своих детей, кто напился и распевал песни по общежитию, у кого скрипучая кровать и чьего мужа чуть не выписали из посёлка. «Обогащённая» новыми знаниями я шла заниматься своими делами, оставляя за собой шлейф сплетен и ругани.

Очень скоро наступил первый день июля, и для меня это значило одно: теперь я официально стала начальником. В рудоуправлении мне уже предлагали подписать какие-то документы, как и.о. директора, а дни напролёт меня атаковали рабочие, — в школе шёл ремонт, сносили стены, перепланировали всё помещение, сверлили, долбили, спрашивали у меня, сколько будет кабинетов, где лучше сделать информатику, в какой цвет покрасить стены и плинтуса, и доводили меня до полного отчаяния, так как выяснилось, что я не могла ответить ни на один из их вопросов. В итоге они отвечали сами, а мне оставалось лишь солидно кивать головой.

Наконец, мои часы показали 13:55, это значило, что через пять минут начнётся мой первый урок со старшеклассниками. По этому поводу я даже сменила кроксы и свитера на каблуки и пиджак. Я прошла в холл, где под лестницей сидели школьницы, и сообщила, что через пять минут у них будет английский, гордо прошествовала в комнату особого назначения... И тут всё пошло не по плану.

Туалет состоял из предбанника с раковиной и, собственно, самой стратегически важной комнаты. Входная дверь прекрасно запиралась и отпиралась, а вот дверь, которая вела к туалету, сломалась в незапамятное время. Я об этом прекрасно знала, но каким-то образом оказалась запертой в той самой комнате. А теперь представьте моё отчаяние: через стену слева сидят абсолютно все школьники посёлка, ждут меня, новоиспечённую директрису, а я тут один на один с унитазом, отрезанная от всего внешнего мира лишней дверью.

Для начала я попыталась выломать дверь, но так, чтобы никто не услышал. Потом позвала на помощь, шёпотом. Гробовая тишина. Если эта проклятая дверь не откроется, в посёлке немедленно начнут говорить нечто вроде: «А директор-то в туалете застряла и просидела там Бог знает сколько времени!» Кажется, начал заканчиваться воздух, и я сделала ещё одну отчаянную попытку выломать дверь, и... ручка осталась в моих руках.

— Чёрт, чёрт, чёрт! — почти вслух прошипела я. Мне становилось трудно дышать, к тому же, в помещении стало очень жарко. В моих руках была белая дверная ручка и единственная попытка спасти себя, ведь сделай я одно неверное движение, штырёк, соединяющий ручки с обеих сторон двери, упадёт, и я точно не смогу выйти самостоятельно. Кажется, я совсем перестала дышать и, прищурив один глаз, надела ручку на штырёк. Ещё мгновение — и дверь открылась.

Я выбежала из мерзкой комнаты мокрая как мышь, выпила литра два воды и вытерла прошибивший меня пот. На часах было ровно 14:00, а мне казалось, что прошёл как минимум час. Мимо меня проходил рабочий.

— Почините тут, пожалуйста, замок. Хотя, погодите. Школе вообще не нужна эта дверь. Выломайте её, пожалуйста.

И с гордым видом я прошла в кабинет.

— А чего вы сидите? — спросила я у детей. — У вас английский начинается. Пойдёмте!

ГЛАВА 19

МИША, ЯХТА И НАУКА

Я могу долго и подробно рассказывать про посёлок и свою жизнь в нём, но всё же рассказ будет неполным, если время от времени я не буду писать о людях, находившихся рядом со мной. Сейчас речь пойдёт о человеке, который стал мне настоящим другом и всегда приходил на помощь в трудную минуту. Я упоминала его ранее, когда рассказывала о лыжных прогулках. Это Миша, заведующий спортивным комплексом.

Спустя недели две после нашего приезда мы знали уже, кажется, всех людей, с которыми работали. Всех, кроме одного, — физрука. И вот как-то раз я пошла в столовую на обеденный перерыв и, по своему обыкновению, под села к знакомой из рудоуправления. Она сидела с высоким человеком лет 25–26, это и был Миша. Мы как-то сразу сдружились и потом очень много общались, вплоть до его отъезда на материк в конце июля, что давало некоторым столовщицам повод позубоскалить.

Миша обладал удивительной способностью: всё, к чему бы он ни притрагивался, начинало работать. У нас же с Сашей способность была ровно противоположная: у шкафа, к которому мы даже не притрагивались, вдруг отламывалась дверца, затычка в ванной застревала, да так плотно, что всю ночь и полдня в ванной была вода, пока не пришёл Миша и не починил всё. Летел смеситель, который местный умелец-сантехник не мог нормально установить, и вновь нас спасал только Миша.

После работы и традиционной прогулки с собаками мы частенько заходили в СК. В то время там никого не было, про-

сторный холл освещался одной тусклой лампой, а пустые вешалки в раздевалке мутно поблёскивали. В такие минуты Миша доставал из недр своей тренерской ракетки, и мы шли играть в бадминтон или теннис. Иногда мы боксировали в маленькой комнатке в подвале СК, а иногда играли в пинг-понг или бильярд, — игра, в которую я так и не научилась играть почеловечески. После этого мы всегда шли в тренерскую и, сидя на старом мягком диване, пили чай.

Однажды, когда нам не хотелось играть ни в теннис, ни в бадминтон, Миша позвал нас в большой зал. Оттуда мы поднялись на веранду и по маленькой пыльной лестнице вскарабкались ещё выше — и оказались на крыше. Хоть наш маленький арктический посёлок и без того просматривался с любой точки, но вид с СК был всё-таки новым и оттого необычным. Мы походили по крыше, поглядели на дома вокруг и обратно спустились в тренерскую пить чай.

Когда мы выходили из СК, нередко была уже ночь, а после полумрачного помещения нам резало глаза и заставляло щуриться полночное солнце.

Вот такие замечательные люди жили в нашем посёлке.

* * *

Он стоял на деревянном помосте у розового дома, что на самом краю обрыва, и глядел на море. Волны внизу ревели и с яростью набрасывались на каменный пляж: время прилива. Прилив... В эти минуты вода быстро съедает всё пространство, поглощая всю скверну и очищая всё вокруг. Он стоял наверху, на старом, местами прогнившем помосте, и никакая стихия не могла до него дотянуться. Он стоял, гордо выпрямившись, сжимая в кулаки свои сильные, шершавые от тяжёлого физического труда руки, и с гордостью глядел на мир вокруг себя: на сизое море; на чёрные горы; на серое небо; на птиц, пролетающих косяками;

на старые деревянные дома, что, как ласточкины гнёзда, примостились на самом обрыве; на спящий порт; на недавно обшитые и оттого нарядные пятиэтажные дома; на противоположный берег, на котором неустанно трудились другие, такие же, как он, чтобы в посёлке всегда была вода — стихия, которую им всем вместе, сообща, удалось укротить и подчинить себе. Не было в его жизни ничего лёгкого. Всегда, начиная с самого рождения, ему приходилось тяжело трудиться: сначала чтобы научиться вставать и ходить, затем он учился говорить, узнавал мир вокруг себя, а после потом и кровью воздвиг он себе и другим, тем, кто слабее его, дома. Он был другим, и от этого ещё приятнее, ещё слаще было ощущать в каждой клеточке своего тела один факт, простой и древний, как горы вокруг: он — человек. Когда он уйдёт, дух его вечно будет пребывать в каплях серого и промозглого тумана, в морских волнах, в приливах и отливах, в огромных сугробах, в потёртых, с потрескавшейся краской досках, в порте, что неустанно принимает корабли, и в тишине, что всегда жила в этих суровых и холодных краях. Лишь одна мысль омрачала его счастливую, полную труда жизнь: а кто придёт после него? Будут ли они также любить эти края? Будут ли заботиться о них?

Он стоял и смотрел вдаль своими пронзительными глазами: «Время покажет». Время покажет...

* * *

Как-то после обеда мы с Сашей и Мишей пошли по дороге в южном направлении. Позади остались научный городок, вечно гудящая ТЭЦ и остальной посёлок, а вместе с ним и все проблемы. Появилось знакомое чувство лёгкости и радости: спереди, сзади, куда ни глянь, — ни души, только мы втроём идём по пыльной дороге, распугивая гусей и ленивых куропаток, убегаящих от нас в тундру. День стоял погожий, холодный северный ветер дул и поднимал во фьорде мелкие барашки.

Слева в сопке был вход в заброшенную шахту. Мы поднялись к нему и зашли внутрь. Одно маленькое помещение было полностью завалено рыхлым, никогда не тающим снегом, а в другом грязный пол был полностью залит водой. Там стояло старое поломанное оборудование, прямо посреди комнаты в полу зиял какой-то жёлоб, уходящий в чёрную бездну. Несколько лет назад тут корпели люди, всё гудело, крутилось, работало и добывало из недр земли «чёрное золото». Мы представили это, молча вздохнули и выбрались на свет божий.

У выхода пришлось задержаться и затаиться, потому что внизу по дороге ехали на велосипедах дочь одного из местных начальников и несколько её друзей. До нас доносились отголоски их смеха и весёлой болтовни, а ведь они все должны были быть в этот день на работе. «Ну что ж, не мы одни нарушаем правила», — усмехнулись мы, но всё-таки решили подождать, пока они скроются. В посёлке процветает страх, что на тебя наступят. Прожив здесь некоторое время, ты тоже заражаешься этой паранойей и стараешься словом лишним не обмолвиться ни с кем, а если что, немедленно шипишь «тише!» своему собеседнику.

Наш путь по начинающей цвести тундре лежал к морю, к яхте Жилия и Алексии, куда они перебрались жить пару недель назад. Мы то и дело наталкивались на огромные заросли розовой камнеломки и становились на колени, чтобы почуять её нежный, еле уловимый аромат. Вдалеке слышался лай собак. Наши с ними прогулки остались в прошлом, что, безусловно, нас огорчало, но дружить с супругами-французами мы продолжали. А вот псы отвыкли быстро и позорно нас облаяли, стоило подойти чуть поближе.

На шум из яхты вышел Жиль, следом за ним, с большой кастрюлей, заполненной собачей едой, показалась и Алексия. Она лихо съехала на землю по доске, прислонённой к краю яхты.

Пару дней назад супруги заходили к нам с Сашей в гости, а теперь активно зазывали и нас к себе, и мы всё искали время.

Вскоре яхта позади осталась: мы проходили очень опасный участок около ТЭЦ. Опасен он был тем, что где-то в тундре отложили свои яйца крачки и теперь ревностно оберегали своё будущее потомство от всех, проходящих мимо. С ужасно неприятными горловыми звуками они бросались на головы людей, пытаясь проклевывать череп.

После прогулки мне предстояло ещё одно волнительное мероприятие — тогда меня впервые позвали в гости «в науку», то есть в общежитие учёных. Обшарпанные стены из светлого кирпича, высокое крыльцо, лабиринты из коммуникаций и аскетичные комнаты по обе стороны длинного зелёного коридора, — вот каким я его запомнила. В сезон комнаты забиты до отказа, но на зимовку здесь остаётся обычно не так много человек.

Стены домов тут не обиты яркими панелями, да и внутри ремонтом уже давно не пахло. Тем не менее, в этих стенах царила особая атмосфера интеллекта и уюта. Не было сплетен, взглядов исподлобья, шушуканий за спиной — словом, тут жили и работали люди, которые относились к Арктике примерно так же как и я, с любовью и трепетом. Многие бывали в экспедициях не только в Арктике, но и в Антарктике, о которой я мечтаю вот уже несколько лет. По моей просьбе эти люди заходили к нам в школу и рассказывали ученикам о своих профессиях (увы, интересовало это мало кого), а однажды мы повели детей в лабораторию, где им показали химические опыты.

В отдельном здании через дорогу живут геологи. Когда я пришла туда в первый раз, то приятно удивилась советской (в хорошем смысле слова) атмосфере: у кого-то в комнате громко играл Митяев, у стены лежали огромные конкреции, а вверх и вниз по лестнице ходили геологи, такие, знаете, как у Куваева: в потёртых больших свитерах, с бородами и вечно с какими-

то приборами в руках; некоторые носили очки с толстыми стёклами.

Здание, замыкающее научный городок, было самым нарядным: обитое яркими тёмно-зелёными панелями, оно смотрело во все стороны своими глазами-окнами. Внутри располагался настоящий огород: в огромных кадках росли огурцы и всякие цветы, а на открытом стеллаже стояли разные книги. В этом же здании, кстати, жил Екайкин. Как-то он позвал нас в гости и показал нам книгу со всеми птицами Арктики, рассказывая о привычках и повадках каждой. В своей манере говорить о животных он напоминал Жюлья: они оба так любили зверей, что наделяли логикой каждый их поступок и присуждали каждому очень разумные, почти человеческие мысли, и делали они это так, что сразу появлялось чувство, будто со всеми животными можно поговорить и они поймут и ответят.

ГЛАВА 20

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

На первом этаже раздался невероятный шум. Одновременно со второго этажа начала спускаться целая лавина, судя по звуку: то шли на обед обе группы детского сада. Я поспешно ретировалась вверх, закрыла поплотнее дверь и полила базилик, разрастающийся прямо на глазах. Вчера вечером я умудрилась заболеть, ночью почти не спала, и в результате у меня просто раскалывалась голова, а глаза собирались в кучку. Если бы у меня был градусник, он сообщил бы мне о высокой температуре. Но градусника у меня не было, как и не было никаких лекарств, зато передо мной на столе лежала толстенная папка с документами по лагерю, незаполненное требование на бытовую химию для школы, и, вдобавок ко всему, надо было заказать продукты на кухню и постараться где-то выбить железный ёршик для мытья посуды, который на складе точно был, но мне его почему-то не давали. Я посидела ещё несколько минут, стараясь не реагировать на крики детей, бегających по коридору, — началась перемена, — и села писать:

«Доместос — 3 штуки, перчатки резиновые — 2 пары, феири для мытья посуды — 4 штуки... что-то ещё... точно! Уборщица просила меня заказать «Прогресс» пару штук. Так и запишем».

Раздался стук в дверь, и она немедленно распахнулась. В последнее время стучали разве что для приличия. В отверстие просунулась голова и с сильным украинским говором быстро сказала:

— Алина Игоревна, вас там рабочие требуют. Они сейчас тут стену сносить будут в кладовке, отоприте дверь, пожалуйста.

Боль в голове отзывалась при каждом шаге, и мне всё время хотелось чихать. Около кладовки стоял прораб:

— Вы дверку откройте, пожалуйста, и освободите это помещение от вещей.

— Хорошо, вам к какому дню надо?

— А нам через пару часов надо. А ещё вас в новую группу звали, зайдите туда.

Ремонтная атака началась сразу с двух сторон моего кабинета: с одной стороны — сносили стены и лишали меня кладовых, с другой — ремонтировали группу детского сада. Туда я и направилась. Там меня уже ждали:

— А вы старшая?

Поморщившись от головной боли и от слова «старшая», я кивнула.

— Хорошо. Вот нам в какой цвет плитуса красить? Я думаю, что в жёлтенький, как стены, а вот он думает, что можно и в синий.

— Нет, давайте без синего... Можно ж просто белым, тут всё равно мебель будет и игрушки, никто плитусов не увидит.

В комнату зашла вездесущая уборщица. До знакомства с ней я искренне полагала, что умею очень громко разговаривать, но посёлок показал мне, как сильно я ошибалась.

— Да будь ласка, покрась всё в жёлтый! — прокричала уборщица.

Откровенно говоря, она и не кричала вовсе, а просто говорила, но делала это так громко, что слышно было на всех этажах, а если она оказывалась на улице у магазина, то внизу, у Храма, её было слышно так, будто она стояла в метре от вас.

Я попыталась проявить начальственную твёрдость и попросить покрасить плитуса в белый, но мой голос совсем потерялся в сочном и громком: «Пущай малые веселятся с жёлтенькими плитусами!» Махнув рукой, я согласилась на жёлтый и вышла

из комнаты. Около кладовой, которая вот-вот должна была подвергнуться жёсткой репрессии со стороны рабочей силы, стояли старшекласники, всегда, как пионеры, готовые помочь, во главе со своим классным руководителем.

— Алина Игоревна, куда всё? В холодную, наверное?

«Холодная» — это холодная неотапливаемая комната на втором этаже, где зимой гуляли детсадовцы. Сейчас она была наполовину заставлена школьным имуществом, которое больше складывать было просто некуда, — ремонт «подъедал» все наши кабинеты и кладовые.

— Да, давайте в холодную.

Вместе с детьми и учителями мы перенесли вещи из кладовой в холодную, и я смогла, наконец, вернуться к незаконченному требованию.

Вписав в бланк: «Мусорные пакеты — 5 упаковок, туалетная бумага — 4 упаковки», я положила требование в папку, побрызгала базилик водой из стеклянного флакона, вкусно пахнущего розами, и вышла из кабинета, встретив на полпути Сашу.

— Ты куда?

— К завхозу...

— О-о-о, удачи!

Завхоз — личность легендарная и крайне противоречивая. До того как я стала начальником, я не очень часто с ним сталкивалась. Поэтому до сих пор мне была непонятна реакция людей, когда они говорили о нём: у некоторых в глазах появлялся испуг, у некоторых — отчаяние.

Теперь я поняла, что отношусь к последним. Абсолютно безвредный на вид, временами даже мягкий, завхоз имел странную привычку отчитывать людей: на меня он никогда не повышал голос и занимал порой несколько отеческую позицию в диалоге, но, выходя из его кабинета, я чувствовала себя оплётанной, потому что к концу недели, вкупе с дамой из отдела кадров, он уму-

дрялся доводить меня до состояния молчаливой ярости и желания сокрушить несокрушимое: здание АБК. Вот и сейчас он внимательно ознакомился с моим требованием:

— Ага... А зачем тебе 2 упаковки «Прогресса»?

— Пол мыть. У нас, знаете, ремонт, а по всей этой пыли дети бегают.

— Ага... А знаешь ли ты, сколько литров «Прогресса» в одной упаковке?

— Не знаю, а должна?

— Не знаешь, а я вот знаю. Пять литров.

Я начинала тихонько скрежетать зубами.

— А знаешь ли ты, сколько «Прогресса» требуется на одно ведро воды?

— Нет, я же не уборщица.

— Ну я тоже не уборщик, но такие вещи знаю. Итак, на ведро воды требуется ровно двадцать миллилитров «Прогресса». А мы помним, что в упаковке его ровно пять литров. Теперь посчитаем, на сколько времени хватит одной упаковки «Прогресса».

— Хорошо, давайте одну.

— Погоди, я хочу, чтобы ты поняла: я даже на ТЭЦ не больше одной упаковки даю, а ты сравни площадь ТЭЦ и площадь вашей школы. Так, теперь... Оп-па! А зачем тебе столько мусорных пакетов? Рыбу заворачивать себе домой будешь?

Последняя фраза в другой ситуации могла быть воспринята как шутка, но в кабинете завхоза шутки съёживались и замерзали, не успев вырваться изо рта говорившего. Ранее я слышала от хорошего знакомого историю, как к одной из уборщиц пришла инспекция во главе с завхозом, они проверяли, сколько средств для уборки помещения использовано. Им показалось, что слишком мало мусорных пакетов осталось, поэтому они пошли к ней домой, обнаружили там упаковку чёрных му-

сорных пакетов и изъяли. Ситуация покажется ещё более абсурдной, если вспомнить, что посёлок находится на острове, и пакеты здесь одинаковые у всех: в школе, в АБК, в КСК, на ТЭЦ и в магазине.

— Какая рыба? У меня удочки даже нет, чтобы её ловить!

Я окончательно взбесилась, но всё ещё старалась улыбаться и не показывать виду. Правда, улыбка у меня походила скорее на злобный оскал. Забрав похудевшее и исчириканное требование, я направилась в отдел кадров.

— Добрый день, когда я смогу уже подписать приказ?

— Какой такой приказ?

— Приказ о том, что с 3 июля я начальник летнего пришкольного лагеря.

— Ты — помощник воспитателя! Вот иди и работай помощником! — рявкнули на меня в ответ.

— Ага, и вам хорошего дня! — сорвалась я в ответ и громко хлопнула дверью.

Последние пару недель я пыталась выбить из рудоуправления то, что мне официально полагалось: подписанный Сфинксом документ, говоривший о моей должности. Документ мне не давали, каждый раз отправляя работать помощником воспитателя в детский сад, хотя я с самых первых дней пребывания в посёлке работала воспитателем и учителем английского. Эта война мне ещё только предстояла, и о ней я расскажу позднее, а пока я отнесла подписанное у завхоза требование секретарю директора рудника и поплелась обратно в школу: сегодня мне необходимо закончить расписание занятий в летнем лагере.

* * *

— Алина Игоревна, платёжки за питание составить надо. Кстати, вы говорили с завхозом за помощницу нам в садик? — со знакомым характерным украинским акцентом спросила

у меня одна из воспитательниц. Я так привыкла к местному языку, что сама часто ловила себя на том, что начинаю задумываться, как же правильно: на Москву или в Москву? Говорить с кем-то или за кого-то? Я думала, что потеряла уже всякую способность удивляться, как услышала: «Ну, я пошла по хлеб» и «При входе разбувайтесь!»

— Алина Игоревна?

— Да-да, платёжки составляю, а помощницу завхоз не даёт. Говорит, лишних рук пока нет, может, после рейса будут.

Дверь закрылась, и я вновь осталась одна. Ночью мне снилось что-то хорошее и приятное, и я всё утро была от этого в приподнятом настроении, но никак не могла вспомнить, что именно. Очередной стук в дверь прервал меня как раз в тот момент, когда я, сосредоточенно нахмурив лоб, вспомнила, что в том сне был толстый рыжий кот, похожий на нашего Кешу.

С обречённым видом я достала ведомости по питанию, взяла калькулятор и начала трудную и почти невыполнимую для филолога задачу: считать. Через час напряжённого умственного труда всё было посчитано, и ведомость была отправлена в раздевалку на первый этаж, чтобы родители расписались. Я же вышла на улицу и присоединилась к Саше, гулявшей с детьми на площадке. Когда я подошла, то увидела презанятную сцену: дети нарвали травы и пытались накормить ей Сашу, уверяя, что вкуснее ничего в жизни нет.

Через пару часов после обеденного перерыва я увидела, что в ведомости расписались почти все: остались родители, работавшие в рудоуправлении. «Да я сама скорее отнесу им на подпись», — решила я.

Одним из родителей являлся Инструкция, тот самый пухлый круглый человечек, который в первый день нам рассказывал о здешних правилах.

— Распишитесь, пожалуйста!

— А я уже четырнадцать лет как и очень счастлив, — довольно сказал Инструкция и сжал пухленький кулачок с обручальным кольцом.

— Я вообще про ведомость говорю.

Получив, наконец, все подписи, я пошла в бухгалтерию, где от меня требовали ведомости по каким-то тарелкам, которые сто лет назад заказала школа, а я теперь отдувайся. Еле открестившись от этого, я пошла в научный городок к химикам в лабораторию. Последнее время я, как начальник летнего лагеря, то и дело приставала к окружающим с просьбой провести лекцию, мастер-класс или какую-нибудь презентацию для школьников. Химики не сумели вовремя от меня отделаться, поэтому теперь расплачивались. По пути оттуда я попала в огромную толпу туристов-пенсионеров. Они все как один были в кепочках с лихими козырьками, мобильными телефонами и камерами с телевиками, причём туристы зачастую не умели пользоваться видеоскателем и фотографировали всё, как придётся. В их зверские объективы могла попасть и я, поэтому я постаралась как можно быстрее проشمыгнуть дальше и очутилась на сей раз в другой толпе — девочек из старшей группы детсада, почему-то полюбивших нападать на нас с Сашей и виснуть с криками «Мама!», а по вечерам играть под нашей дверью. Как-то раз я с превеликим трудом открыла входную дверь в нашу квартиру: кто-то из детей подпёр её огромной корзиной с игрушками.

Вечером, когда мы шли домой, погода стала такой неприятной, что мы даже плюнули на традиционную вечернюю прогулку. Утром ситуация не улучшилась: с гор сполз мокрый белый туман, исчез противоположный берег фьорда, моросил мелкий пакостный дождь. Дорогу развезло, и все поселчане брели по колено в грязи. На работе было необыкновенно скучно, даже мой базилик как-то сжался, пожелтел в своём маленьком горшочке и заскучал; к тому же посёлок не переставала терроризировать

медведица. По слухам, то и дело сотрясавшим наш остров с ног до головы, она поселилась на противоположном берегу с двумя годовалыми медвежатами. Чуть ли не раз в неделю обязательно возникал разговор, что буквально вчера чей-то знакомый видел её около псарни или около вертолётки.

На деле же никто ничего толком не знал и никто никаких медведей не видел. Выход из посёлка был строго-настрого запрещён, но разве возможно жить взаперти? Тем более, когда вокруг — только протяни руку — так красиво! Буквально на днях мы гуляли на Южном мысе со знакомым учёным и наткнулись на трёх моржей. Это были два самца и самка. Дама лежала несколько в отдалении, кокетливо положив голову с маленькими зубками на соседнего самца; последний явно был главным в их компании, потому что, когда мы подошли, он немедленно перестал храпеть, проснулся и приподнялся на передние лапы. Мы сделали вид, что уходим, и тогда он с заметным облегчением лёг на место и вновь захрапел, да так, что до нас долетали его слюни. Тут, правда, проснулся второй самец. Он страдал жутким насморком и хотел пожаловаться своему другу, лежащему рядом, поэтому он не нашёл ничего лучше, как со всей силы воткнуть в спину соседа бивни. Взревев от боли, тот проснулся и приготовился дать ответный бой. Дама посмотрела на них и немножко отодвинулась: негоже женщинам в драки влезать. Затем оба моржа-самца увидели, что мы ещё никуда не ушли, приподнялись на свои лапы и начали страшно раскачивать головами с бивнями.

Рабочий день закончился, дождь не переставал идти. По пути домой я зашла в Храм. В небольшом деревянном помещении было по-особенному тихо и уютно. Здесь лежали свечи и спички, духовная литература, заботливо разложенная кем-то на маленьком столе. В Храме всегда горел свет и даже зимой, в самую тёмную ночь, можно увидеть тёплый жёлтый свет, просачивающийся из окон наверху острой крыши. Прошло почти четыре месяца,

как мы здесь. Почти две трети срока. Казалось, что только неделю назад мы в тонких осенних пальто и с тяжеленными чемоданами стояли на ледяном пронизывающем ветру и растерянно оглядывались по сторонам, и вот уже не за горами конец лета, а значит, и день, когда мы вновь соберём чемоданы. От количества дорог и увиденных мест впечатления начали смазываться, но впереди ещё столько непройденных километров, что это вечное движение к неизвестному и стало самой жизнью. Однажды у Куваева я прочитала, что существует предание, что у каждого человека есть одно место, которое ему постоянно снится, и что если он найдёт его, то будет навсегда счастлив. А что, если тебе постоянно снится дорога, уходящая горизонт? Низкие чёрные сопки; метель; пурга; холодные северные реки; палатка, тент которой намок от дождя и теперь как тряпка облепил саму палатку; и что, если то и дело, во сне и наяву, ты видишь это белое северное солнце, вечно висящее на низком небосводе?

ГЛАВА 21

ВЫЛАЗКА, УПЛЫВАЮЩИЙ САПОГ И МИНУТКА КУЛИНАРИИ

Воскресенье и опять будильник. Мы с Сашей, конечно, разразились проклятиями, но скорее для порядка: сегодня нас ожидала очередная несанкционированная вылазка. Безоблачное утро, людей на улице не было, что хорошо. Мы постояли некоторое время на обочине дороги, пока не раздалось тарахтенье и около бывшей столовой не показалось несколько красных квадроциклов: это были учёные, с которыми мы договорились пойти на одну из рек.

В посёлке есть три вида транспорта: машины (во все сезоны), но их очень мало и сразу понятно, кто едет; снегоходы (когда есть снег) — удобно и ехать можно везде; квадроциклы (когда нет снега): удобно, но, на мой взгляд, непрактично, ехать можно только по дороге, а они есть исключительно в посёлке. По тундре ездить на квадроциклах запрещено, ведь так наносится урон хрупкой арктической природе, которая потом очень долго не может восстановиться.

Первоначальный план был таков: доехать на квадроциклах до лыжного домика, что чуть дальше вертолётки, и далее пешком до реки. Очевидно, что до самой реки мы вряд ли дойдём, потому что путь туда неблизкий, а учёным днём надо быть у себя на базе. Но почему бы не попробовать?

— На, надень шлем, — сказал мне мой водитель.

— А это ещё зачем? Я и без шлема могу...

— Надевай.

Достаточно быстро я поняла, зачем надо было надеть шлем. Дорога из посёлка вся в ухабах и неровностях, вдобавок ко всему, мой водитель, кажется, забыл, где находится тормоз, и всё время до лыжного домика я практически слетала на землю (впоследствии он удивлённо разводил руками и божился, что ехал очень медленно). На втором квадроцикле ехали Саша и её водитель, на третьем — две замечательные девушки-океанологи. Около лыжного домика дорога за время весеннего паводка пострадала сильнее всего, и мне то и дело казалось, что я вот-вот улечу.

Наконец, мы оставили наш опасный транспорт. Был июль, и вся тундра цвела. За пределами посёлка это чувствовалось особенно хорошо: тут и там раскидывались целые клумбы розовых и сиреневых камнеломок, маленьких белых и жёлтых цветочков, названия которых я напрочь позабыла. Не было только моих любимых полярных маков, обычно растущих в изобилии в северных регионах. Кое-где на утёсах разыгрывались баталии между полярными гусями и бургомистрами. В небесах изящно парили пепельные поморники, а по побережью в мелких волнах прыгали длинноногие кулики. Мы шли и шли вперёд, пока нас не окружило стадо оленей. Мы явно их заинтересовали, но у страха глаза велики — взрослые особи сразу отмели идею подойти к нам, а молодняк то приближался, то, взбрыкнув шерстяными ножками, уносился в тундру. Мы шли в их компании до самого конца.

Скоро удобная дорога закончилась, и мы пошли по мокрой грязной тундре, выведшей нас к небольшой, но глубокой реке. И вот там со мной приключилась одна из самых смешных и неловких ситуаций за все полгода в Арктике.

У одного из учёных были бродни (длинные резиновые сапоги, защищающие всю ногу от влаги), которые они перекинули нам, перейдя реку. Первой пошла Саша, перекинула мне брод-

ни обратно, затем пошла я. Я сняла свои короткие резиновые сапоги, размер был, естественно, не мой, и, чтобы бродни не спадали, их приходилось придерживать руками. Но так это было неудобно, а хотелось свободы, что чёрт дёрнул меня попробовать кинуть свои сапоги на противоположный берег. Позже мне рассказывали, что я подбросила их чётко вверх, но это, конечно же, неправда. Так или иначе, в последующую секунду я увидела, как мой синий сапог стремительно уплывает в открытое море. Забыв про сползающие бродни и черпая ими воду, я попрыгала за своей обувью и сумела поймать её практически в самый последний момент: ещё чуть-чуть и шла бы я домой босиком. Когда я перешла злосчастную реку, то увидела, что Михаил — один из учёных — в одних носках стоял в луже и с какой-то тоской смотрел на горизонт:

— Зачем же ты сапоги вверх кидаешь? Я уже за ними бежать собрался...

Посмеявшись и отдохнув, мы прошли ещё немного и поняли, что до реки точно не дойдём, а значит, пора обратно. Решено было спуститься вниз и идти по побережью. Стоял штиль, на пляже то и дело встречались мёртвые тела маленьких, не больше двух-трёх сантиметров, крабов, сколотых ракушек и огромные кучи водорослей, в простонародье называемых морской капустой.

Кстати говоря, многие люди, живущие у моря, делают из неё превосходный салат, который ничуть не хуже магазинного. Нужно найти подходящие водоросли, помыть их и порезать небольшими пластинами. Затем обдать кипятком (при этом они ненадолго становятся ярко-изумрудными), нарезать лук колечками, залить маринадом из уксуса, соли и подсолнечного масла и дать настояться. Получается вкусно и полезно.

Вообще, подножный корм можно раздобыть где угодно, даже в Арктике. Помимо морской капусты, можно готовить грибы.

На острове нет ничего ядовитого, поэтому можно не бояться и смело собирать маленькие белые грибы, похожие на поганки. Они часто растут на обочине дороги под толстым слоем угольной пыли. Однажды мы с Сашей вышли из дома минут на 15–20, насобирали огромный пакет грибов, который потом два часа перебирали, час варили и ещё потом час жарили с луком. Ну, а когда море под боком, всегда есть шанс получить свежую треску на ужин, что, безусловно, замечательно. Мы варили уху, тушили треску, жарили, делали рыбный салат... Летом, идя по коридору общежития, можно было точно сказать, у кого что на обед: у 50 квартиры котлеты из рыбы, у 55 — уха, а 79 уже вторую неделю подряд ест жареную рыбу.

...Шли мы по побережью, когда вдруг увидели в воде что-то оранжевое. При более детальном изучении стало понятно, что это гидрокостюм, причём совершенно целый, без дыр. Как он попал сюда, за столько километров от посёлка, — непонятно. Наверное, кто-то из туристов потерял. Рядом с ним лежал буй и какой-то полусгнивший фрукт, напоминающий то ли апельсин-переросток, то ли грейпфрут-недомерок — тоже явно туристическая потеря. Туристы — симпатичный народ. Приезжают в посёлок на несколько дней, их возят по ледникам и фьордам, они уезжают с выпученными от восторга глазами, а затем помнят эти несколько дней всю свою жизнь. Когда ты в посёлке житель, а не турист, то воспринимаешь всё совсем по-другому. Шанс увидеть ледники у тебя ничтожно мал: всё зависит лишь от твоего везения. Мне, конечно, грех жаловаться.

Только долго оставаясь на одном месте, можно увидеть, как прилетают птицы, выводят потомство и учат их плавать. Как под ними, кружа и вращаясь, проплывают свинцовые воды фьорда. Как солнце вечером окрашивает небо в пурпур, а затем несколько месяцев висит в небе и светит круглосуточно. Как однажды

утром подножия гор скидывают с себя весь снег и стоят чёрные, абсолютно голые; как однажды тундра начинает пахнуть не снегом, а землёй и приключениями, как она начинает цвести, а затем, в один короткий вечер, становится мокрой и начинает пахнуть осенью; только так можно научиться распознавать всю великую гамму цветов снега: от белого до золотого, розового и фиолетового. Только здесь, наверху планеты, небо такое низкое, что его можно потрогать рукой.

Откровенно говоря, я — счастливый человек: я была на мысе Дежнёва, я купалась ночью после тяжёлых многодневных переходов в горячих ключах, я видела огромные челюсти кита, врытые в землю, я общалась с чукчами и эскимосами; я видела разбомблённую, но непобеждённую землю Мурманской области; я знаю, каково это — залезть вечером в палатку, снять с себя грязную мокрую одежду, завернуться в тёплый сухой спальник и знать, что до утра тебя никто и ничто не побеспокоит; я знаю, как засыпать, когда по тенту палатки, тихонько шурша, барабанит тихий северный дождь; я знаю, что значит долгожданная встреча с человеком посреди тундры, когда ты несколько дней не видел ни одного нового лица; я видела моржей, оленей, песцов, медведей, птичьи базары, а сейчас я живу в Арктике.

Странно, но из всех моих путешествий мне очень запомнился один эпизод. В то лето мы ходили на мыс Дежнёва, и уже после, когда вернулись в посёлок Лаврентия, я сидела на крыльчке дома культуры, в котором мы жили несколько дней, дожидаясь самолёта в Анадырь. Ко мне подсели две эскимоски. Маленькие, в смешных кепках, они говорили по-русски с заметным акцентом. Одна из них вдруг посреди разговора схватила меня за руку и спросила: «А какое твоё предназначение?» Я замялась и сказала, что я учитель.

— Нет, — настаивала эскимоска, — не профессия, а предназначение.

Тогда я задумалась и поняла, что в жизни мы гораздо больше, чем слесари, механики, учителя...

Впереди показался одинокий лыжный домик. Это значило, что ещё чуть-чуть и мы будем дома. Прогулка не была бы полноценной, если бы мне не предложили повести квадроцикл. Я, конечно, с радостью согласилась и немедленно въехала в кювет, из которого мы потом долго выезжали.

ГЛАВА 22

РАСПУТЬЕ

— Школа.

— Я могу поговорить со старшей?

Я практически привыкла к тому, что в посёлке меня пионерски звали «старшей», поэтому бросила отрывистое:

— Слушаю.

— Это из больницы, ждём вас и Александру на медосмотр. Выбирайте, когда удобнее: четверг, пятница или суббота.

— А мы в конце марта проходили.

— Нет, это был медосмотр для получения работы, а сейчас, когда вы продлите контракт, вы должны будете его ещё раз пройти. К нам специалисты из Москвы на несколько дней приезжают, так что выбирайте, когда удобнее.

Так-так-так. Мозг начал соображать: если договорюсь на четверг или пятницу и мы не придём, нас заставят идти в субботу, поэтому...

— Суббота нас устроит.

— Записала, не забудьте прийти.

Ни у кого даже сомнений не возникает, что мы не будем продлевать контракт. Здесь из такого решения принято делать тайну и если кто-то собирается уезжать навсегда, он до последних дней не даёт никому ясного ответа. Может, это путь к отступлению, не знаю... Мы не собирались продлевать контракт и с грустью ждали июльского чартера: он увозил многих наших друзей, в том числе Мишу, и мы оставались вдвоём. Наш чартер был следующим. Уже давно прошёл тот период,

когда мы были «новенькими», время летело со страшной скоростью.

Смахнув грустные мысли, я вновь потянулась к телефону: в пятницу, в день рейса, мы оставались втроём на всю школу, и нужен был хотя бы один человек, чтобы помочь в детском саду. Уезжала прекрасная воспитательница старшей группы. Когда я ещё работала в саду, она не раз подходила ко мне с советом, да или просто поговорить. В рудоуправлении подняли трубку и пообещали поискать нам кого-нибудь в помощь на один день.

Это дело сделано. Теперь надо спуститься и подписать отпусникам обходные листы. По пути на меня накинута одна сотрудница:

— Алина Игоревна, вы уж решите что-то насчёт пятницы. Как мы работать-то будем?

— А вы думаете, я не занимаюсь этим вопросом?

— А шо, занимаетесь? Ну так я пойду?

— Идите.

Я подписала обходной лист двум учителям, в том числе и математику. Тому самому, который когда-то встретил нас в коридоре общежития и помог заселиться. Тогда он мне казался таким опытным старожилом, а на самом деле он жил-то в посёлке всего два месяца. И вот он уезжает, и вряд ли мы увидимся вновь. Зато этим чартером возвращается Варя. Она ещё не знает, что она теперь будет не помощником, а воспитателем, ну а потом, кто знает, может и учителем.

Наступил обеденный перерыв. Мы успели вовремя и пришли минут за 10 до того, как хлынул народ из АБК. Скоро сюда не спеша пришла бухгалтерия, в стороне привычно быстро пообедали айтишники, а за соседним с нами столом ели учёные. Мы перекинулись парой фраз и сели за свой любимый стол: крайний у двери. Скоро к нам, как всегда, присоединился Миша. Вечером после работы мы должны были вместе с Екайкиным поехать

на вертолётку посмотреть на семейство песцов. Говорят, там живёт мать и трое щенят. Ещё недавно они были совсем маленькими и их можно было взять на руки и погладить.

Обед подошёл к концу, и мы разошлись по рабочим местам.

Мобильный телефон разразился бессмертным хитом Виктора Цоя.

— Алина? Сколько у вас кабинетов планируется? Мне таблички надо заказывать на двери, подсчитай и скажи мне.

Мои возражения, что я не видела даже плана школы и не знаю, какой она в итоге будет, были отклонены беспощадным «Завтра я зайду за результатом».

Ну вот завтра и подумаю. Пора в спортзал, забрать оттуда Сашу и ждать Екайкина.

Вечером около Храма он лихо тормознул при виде нас на своей машине. Как же приятно было сесть на переднее сидение и, трясясь по местным колдобинам, вдыхать запах бензина. Я никогда раньше не думала, что машина может вызвать такие положительные эмоции. Понятно, что до вертолётки несложно идти и пешком, но тем не менее на машине это делать особенно отраднo. Сиротское арктическое лето близилось к своему концу, и это чувствовалось: воздух был наполнен прохладой и дождём. Весь июль был туманным и холодным, а сколько тепла нам отмерено в августе? Может, пара недель? Ну а дальше начнётся осень.

Песцы жили под деревянным настилом прямо в тундре. Сейчас, когда они стали подростками, не стоило слишком рассчитывать на то, что мы их увидим. Они разбежались по тундре. Ближе к морю в небе вилась крачка. То и дело она срывалась вниз, затем взмывала вверх и повторяла всё по новой.

— Так там, наверное, песец ходит, — сказал Екайкин и был прав. Вдалеке, ссутулившись, сидел одинокий песец. Всё-таки нам повезло.

Наступила суббота, а вместе с ней день медкомиссии, на которую мы с Сашей решили не идти. Любовью ко врачам никто из нас не отличается (лично я от одного вида некоторых легко могу потерять сознание), контракт мы продлевать не собирались, да и сидеть всю субботу в очереди то к терапевту, то к окулисту как-то не хотелось. Выход из всего этого виделся один: хорошенько выспаться.

Однако часов в восемь утра раздался столь неприятный спящему уху телефонный звонок. Звонок был сброшен, но за ним последовал другой, затем третий. Мы были тверды в своём желании выспаться, но, когда позвонили в дверь, стало понятно, что эта затея потерпела крах.

Надо сказать, что к нам в дверь частенько кто-то звонил рано утром по субботам и воскресеньям. Чаще всего дверь мы не открывали: хороший человек не станет рано утром в выходные к людям ломиться. Но на этот раз нам под дверь просунули записку: «Алина Игоревна и Александра Игоревна! Вас срочно ищут в больнице!»

Мы налили себе кофе и стали завтракать, упорно наслаждаясь выходным, когда мне опять позвонили на телефон.

— Да возьми уж, — посоветовала Саша.

Это звонили из больницы.

— А вы где?

— Мы не продлеваем контракт и уезжаем следующим чартером.

— А раньше вы чего не сказали? Нам придётся сообщить начальству, что вы не пришли.

— Сообщайте, пожалуйста.

Нет, серьёзно. Денег нам не платили, работали мы за десятых, я выполняла бог знает чьи функции, и за то, что помогала школе в этот нелёгкий период, терпела чуть ли не ежедневное унижение в отделе кадров и у завхоза.

Жители посёлка очень закрытые. Неизвестно, как одно неосторожно сказанное слово может повлиять на твою судьбу. Страшно выйти за пределы посёлка, страшно высказать начальству в лицо о нарушениях, страшно быть недовольным, страшно требовать то, что тебе положено, страшно просто порадоваться. Даже в контракте есть пункт, который гласит о том, что сотрудники рудника не имеют права никому разглашать свою зарплату. Во всей этой гонке и борьбе за выживание теряешься и часто просто считаешь недели до следующего чартера. Так проходит твой контракт, а вместе с ним — время. Это может быть полгода, год, два, три или больше. Этого времени тебе никто не вернёт, эти бесценные мгновения твоей жизни, от которой ты ждёшь чего угодно, но только не этой преждевременной старости.

Небо на самой верхушке мира было жемчужно-серым со светлыми переливами, а над горами ярко сияло солнце. В полночь, когда мы вышли из дома на прогулку, оно всё так же ярко сияло, заливая своим приветливым светом коридор спящей «двадцать-девятки». В моём мире ночами светит солнце, а в вашем?

На крыльце дома задумчиво курил какой-то мужчина; больше никого не было. Мы поздоровались и пошли от дома прямо по дорожке, которая вела в горы. Сейчас там никого не было, как, впрочем, и всегда: в маленьком арктическом посёлке мало кто хочет уходить в горы и нарушать правила. Но если в разумных мерах не нарушать правила, то как же жить? Да и вообще, что такое жизнь, как не чувство момента и ощущение, что ты находишься здесь и сейчас и что всё это чертовски всё-таки здорово, и что тебе несказанно повезло быть именно здесь и именно сейчас? Здорово, сдерживая дыхание, залезть на верхушку горы и, натягивая капюшон из-за холодного ветра, обозревать свои владения. Там — Северный полюс, а там, на юге — твоя семья, твои друзья, твой дом. А наверху — вечность, и кто поспорит, что её нет?

Моя дипломная работа в университете была посвящена концептам времени и пространства. Я сравнивала поэзию русских авторов XIX века и их британских коллег. В результате я выяснила, что мы, русские, чаще всего думаем о вечности, то есть о циклическом времени, где нет начала и нет конца; британцы же думают больше о сиюминутности, о настоящем. Но все мы сходимся, что там, «дальше», есть огромная и непостижимая вечность.

Жаль, что в те годы я не догадалась взяться за сказания малых народов Севера. В их мировоззрении нет рая и ада, как такового. Есть таинственная страна, куда попадают люди, погибшие на охоте, во льдах Ледовитого океана, и есть другая страна, куда переселяются те, кто умер своей смертью. Наверное, у каждого из нас есть своя собственная страна, куда мы попадаем каждый раз, когда мечтаем, но ведь мечтам свойственно сбываться.

...Когда мы вернулись домой, был уже третий час ночи. Со стороны коровника, где жили собаки, послышался одинокий лай. У кого-то за дверью заплакал маленький ребёнок. Больше никаких звуков не раздавалось. На небе всё так же ярко сияло вечное полярное солнце.

ГЛАВА 23

ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ

Следующий день изменил полностью нашу жизнь в посёлке. Изменения эти начались резко и сделали оставшиеся два месяца контракта крайне напряжёнными.

Почти всё двадцать третье июля мы провели с Мишей. Это был очень грустный день: весь посёлок суетился, у спорткомплекса толпилась очередь из уезжающих. Там, внутри, сидела комиссия из нескольких человек, они принимали багаж, чтобы на следующий день ГСВшники погрузили его в вертолёт или на катер и отвезли в аэропорт, что находился в нескольких километрах от посёлка.

Вечером, когда в спорткомплексе не осталось никого, мы в последний раз втроем вошли туда и сели на длинный зелёный диван, стоявший в углу фойе, и стали вспоминать вечерний теннис, слабозаваренный чай (экономия!) в тренерской и наши прогулки, но теперь говорили много и о нашем доме, — Миша тоже.

— Не переживайте, два месяца быстро пролетят! А я вам отошлю фотографию, как я лежу на травке в Александровском саду!

— Вот это жестоко, между прочим!

— А я приеду и, наверное, из магазинов вылезать не буду. А раньше ведь не любил ходить..

Долго мы в тот вечер расстаться не могли, потому что по приходе домой после долгого прощания в спорткомплексе мы обнаружили, что в шкафу, к которому мы вообще не подходили, упала полка. Пришлось призвать Машу с молотком, в итоге просидели мы, прощаясь, ещё часа два.

Утром мы пришли в тихую и пустую школу, где уже не было ни математика, ни учителя биологии, ни воспитателя старшей группы, ни уборщицы, и даже половина детей исчезла. А после утреннего ритуала полива базилика оказалось, что вместе с ними пропал ещё и интернет.

«Тем лучше, меньше меня будут доставать», — подумала я и пошла на кухню, где привычно звенел кастрюльками повар. В приятной тишине прошла первая половина дня, и начался мой обеденный перерыв. В столовой я встретила знакомого из учёных, он был в компании нескольких очень интеллигентных с виду людей.

— Алина! Как хорошо, что я вас застал, вы мне очень нужны!

Меня немедленно усадили за стол и представили:

— Это та самая Алина, о которой я вам говорил! А это — сотрудники одного медицинского института из Санкт-Петербурга, они специально приехали сюда, чтобы провести исследования, и за этим-то вы нам и нужны.

Не знаю, почему вдруг стала «той самой Алиной», но учёные сразу как-то понимающе закивали.

— Дело в том, что мы для всего посёлка абсолютно бесплатно проводим полное медицинское обследование. Вам это просто полезно, ну а мы получим важные данные. Нам нужно, чтобы вы сообщили родителям детей о том, что мы здесь и что мы хотим всех осмотреть. Ну, вы пообедайте сначала, а потом мы вам всё расскажем.

Только я поднесла ложку ко рту, рассказ продолжился:

— Мы возьмём анализы крови, мочи, ну и так далее...

Я поняла, что вряд ли мне удастся с аппетитом пообедать, поэтому положила ложку и принялась слушать. Оказалось, что это довольно известные, опытные учёные, которые давно изучают влияние высоких широт на организм человека. На следующий же день мне пришла официальная бумага от этих очень вежли-

вых и интеллигентных людей, в которой красивым и понятным языком говорилось о том, зачем они в посёлке и что им от школы надо. А начиналась бумага так: «Глубокоуважаемая Алина Игорева!» Вот согласитесь, не каждый раз к вам так обращаются люди в белых халатах. Люди эти понравились не только нам, но и половине посёлка. Говорят, исследования свои они проводили очень нестандартно и рассказывали много интересного, а потом ещё и до школы с лекцией дошли.

Уже на следующий день в школе появились вернувшиеся из отпуска София Михайловна и Варя. Мы им, конечно, очень обрадовались, но стоял ребром вопрос: кто станет директором школы. Предыдущая директриса официально уволилась, а оставлять меня на месте начальника было бы объективно неправильно, да я и сама не рвалась занимать это неудобное кресло. На эту роль прекрасно подходила София Михайловна. Помню, мы сели в кабинете, и, поговорив немного о большой земле, она спросила:

— Алина, а ты хочешь вернуться в детский сад? Ну, воспитателем в старшую группу.

Мне сразу вспомнился рабочий день, который начинался в семь часов утра, а заканчивался после пяти вечера, бесконечные крики, плач, разбросанные игрушки и, самое главное, вечные сплетни родителей. Ответ сам напрашивался. Как сказал великий Гераклит: «В одну реку нельзя войти дважды».

— Ну, я так и думала. Что будем делать до возвращения воспитателя из отпуска?

— Я тут подумала, может, Варя? Хватит ей в помощниках-то сидеть...

— Вот и я так думаю! А потом, в сентябре её вообще можно в школу перекинуть. Ну а ты, значит, пока начальник лагеря, а там учителем английского пойдёшь. Саша... ну а ты без изменений — начальная школа.

Тем же charterом в посёлок приехал Сфинкс и первым делом навестил школу. Его преимущественно интересовал ремонт, но вскользь он упомянул, что хотел бы, чтобы мы с Сашей остались в посёлке и продлили контракт, и активно намекал на разные карьерные возможности.

Но знаете, едва ли можно чувствовать радость жизни, когда каждое раннее утро идёшь на работу, при мысли о которой у тебя ещё с вечера сжимается сердце, от которой опускаются руки и постоянно гложет чувство бесполезности твоих усилий.

Хотя нет, мои усилия на посту директора в каком-то смысле оценила София Михайловна. Однажды я пришла на работу и обнаружила полный хаос и разруху — ремонт набирал обороты и полностью забрал и первый, и второй этаж. Позади меня слышался резкий голос новой директрисы:

— А это в холодную, если можно, отнесите!

Распоряжения, отданные не мной, почему-то резанули слух. С момента приезда Софии Михайловны прошло лишь несколько дней, но все уже ходили притихшие и напряжённые. Каждые десять минут она находила для меня новые поручения и всем своим видом показывала, что распоряжаюсь всем теперь не я.

Добравшись сквозь пыль до кабинета информатики, где теперь размещалось абсолютно всё — от учителей до школьных парт, я просочилась к компьютеру в надежде увидеть на почте ответ от товарища Орешко. Вчера отправила ему подробный отчёт по первой смене летнего лагеря. Но не успела я расстроиться, что на мои труды никто не ответил, как в комнату просунулась голова повара, позвавшего меня к телефону. Теперь единственным телефоном в школе был древний аппарат с крутящимся барабаном на кухне. Такие были во времена моего детства, а затем они как-то исчезли, но только не в посёлке!

— Говорит Орешко. Что вы себе позволяете?

— А что случилось?

— Да что за дела такие! Открываю ваш отчёт по лагерю, это что, по-вашему, за ерунда такая? Почему вы расшифровываете имена женщин полностью, а мужчин пишете с инициалами?!

Дело в том, что я описала деятельность каждого педагога отдельно и писала я везде инициалы, пока не дошла до нас с Сашей. У нас-то они одинаковые, поэтому во избежание путаницы я прописала их полностью, а потом увлеклась и дописала всех остальных тоже полностью, о чём вспомнила слишком поздно.

Орешко стремительно переходил на визг.

— Вы что, по степени приближённости к себе так пишете?!

Но меня не слишком задевало его возмущение. Меня больше волновал вопрос, что Сфинкс обещал мне часы завуча с первого сентября, а по факту я уже выполняла эту работу. Поэтому, улучив момент, когда Орешко переведёт дыхание, я пошла ва-банк:

— А генеральный обещал мне часы завуча с сентября, но я уже выполняю эти функции. Я хотела бы, чтобы вы оформили меня сейчас. Это возможно?

— Что-о-о?! Что вы там делаете?! Книгу приказов? Да вы с ума сошли, что за самоуправство, какие приказы? Ну-ка, расскажите мне лучше, почему у вас написано, что в лагере 40 детей, а у меня по документам их 70?

— Ну, так вы, видимо, детский сад посчитали.

— Да, посчитал, а почему этого не сделали вы?

— А потому что ШКОЛЬНЫЙ летний лагерь к детскому саду отношения не имеет!

— Да? А... точно, не имеет, — сбавил тон Орешко. — А почему тогда у вас один школьник в лагерь не ходит летом?

— А это вы у его мамы спросите! До свидания!

Я бросила трубку на рычаг. Последний раз на меня так кричала... Да на меня никто так ещё не кричал, а тут я, взрослый человек, тоже начальник, и вынуждена стоять и выслушивать тонкий визг из-за ерунды.

Казалось, день не мог быть хуже, но, когда я выходила из кухни, я увидела Варю и девочку из старшей группы детского сада.

— Милана, мы сейчас спим, а потом пойдём на полдник, куда ты уходишь?

— Домой. Мне тут надоело, — заявила Милана, застегнула куртку, оттолкнула Варю и направилась на выход. Этого допустить категорически было нельзя, так что я отправила Варю срочно звонить родителям, а сама обманом заперла маленькую анархистку в кабинете информатики.

— Милана, ты не можешь уйти. Дождись вечера, и тебя заберёт мама, а сейчас ты должна остаться здесь.

— Ты мне никто, и я тебя не буду слушать! — заявила Милана, вновь пытаясь открыть дверь и уйти, а получив отпор, спокойно врезала мне кулаком в живот. Кстати, на наш рассказ папа бестии лишь гордо улыбнулся.

Вечером, когда мы вышли с работы, у обочины дороги мелькнуло что-то из забытого прошлого. Пригляделась, — да это ж одуванчики, толстые, жирные и крепкие! И неважно, что сейчас август, а одуванчики были ещё совсем юными жёлтыми бутонами и даже не думали отцветать, не важно даже и то, что они тут самые высокие растения. Важно, что я вспомнила позабытый солнечный май с цветущими белыми яблонями и черёмухой ранним утром в лесу, когда птицы только просыпаются, а солнце тихонько ласкает тебя сквозь ярко-зелёную молодую крону деревьев.

А в Арктике в мае лежит снег и дует метель. Да, тут холодно, да и аскетичный пейзаж на любителя, ну а местное общество до такой степени разношёрстное, что тебя в один день могут довести до желания немедленно порвать контракт. Зато в тот же день ты можешь встретить человека, который моментально заставит тебя вспомнить, ради чего ты всё это терпишь.

ГЛАВА 24

ДЕНИС

Всё меньше нам оставалось прогулок до вертолётной площадки, и это не могло не печалить. Эти прогулки были способом остановить бег рутинной жизни, это бессмысленное колесо Сансары, и почувствовать саму изнанку жизни, понять, что все мы — герои в картонных коронах и каждый из нас пытается придумать себя и показать себя таким, придуманным, а настоящее прячется глубоко внутри, а затем и вовсе исчезает, оставляя только должность, чин, звание, идеальную, как нам кажется, внешность и придуманные программы поведения. Природа это всё сглаживает, потому что, оставаясь с природой наедине, мы не можем спрятаться от себя. Когда ты сидишь в молчании, а у твоих ног плещется солёная холодная вода и пахнет ламинарией, выброшенной утром на берег, а над головой пролетают птицы, о чём ты думаешь тогда? Вот эти твои мысли — и есть ты настоящий.

Тундра вокруг начинала пахнуть приближающейся зимой: постепенно отцветали цветы, улетали птицы, на улице всё чаще хотелось надеть тёплую шапку. В один из таких предосенних дней наша знакомая вытащила нас на вечернюю, почти ночную прогулку. Мы шли по тундре в поисках грибов, когда навстречу показался невысокий человек в синем бушлате. Денис был одним из вертолётчиков, работающих в посёлке. Мы разговорились, он показал нам самое грибное в посёлке место, и на следующий день мы условились пойти на рыбалку.

Ветер задувал прямо в уши сквозь тёплый капюшон. Мы стояли в порту позади какого-то контейнера и пытались поймать

рыбу. Рядом с нами устроился худой мужчина в чёрных трикотажных с белыми полосками.

— Ай! — плюнул он через некоторое время, смотал удочку и удалился пружинистой походкой.

А мы остались, хотя у меня, признаться, тряслись от холода колени, но есть закон: мёрзнешь — не ходи с заядлыми рыбаками рыбу ловить. Так что сама виновата. Вчерашний вертолётчик Денис был как раз из таких, заядлых. Терпеливо и скрупулёзно рассказывал он нам, как нужно закидывать удочку, и что треска — рыба донная, значит, надо ждать, пока леска опустится на самое дно, и потом весьма хитрым образом её надо тащить в сторону. Чувствуется сильное течение, я боюсь ненароком выпустить удочку из рук и отдать её в дар морскому богу; сматываю леску, ничего не поймав, и с облегчением передаю удочку Саше, которая, спустя некоторое время, вытаскивает прилипшую к грузилу ламинарию. Затем мы закидываем удочку вновь, и — удача! — леска характерно дёргается, но рыба соскакивает и уплывает.

— Ладно! — говорит наш спутник. — Это была одна заблудшая овца, она не в счёт. Пойдём домой, я вас угощу вчерашней треской. Вот вчера клёв-то был!

Отказаться неудобно, так что мы идём в тридцать первый дом, что стоит в овраге между нашей «двадцатьдевяткой» и церковью. Красивое снаружи, внутри здание совершенно обшарпано и выглядит ничем не лучше печально знаменитой на весь посёлок «двадцатьшестёрки».

Двадцать шестой дом внешне красивый, отделан сине-белой обшивкой, внутри же атмосфера напоминает второсортные клубы, куда из года в год таскаются подростки и первокурсники. Полы клоками усеяны рваным гибридом паркета и линолеума, тёмно-зелёные стены исписаны трогательными и очень искренними надписями, выражающими отношение автора к суровости арктического бытия, в воздухе витает невыветривающийся за-

пах сигарет и пива, а из-за разнокалиберных дверей в иной выходной день можно услышать звон стаканов и «Людка, да *** твою ж на ***! Закуску неси уже, **». Двадцать шестой дом носит заслуженную славу самого пьющего и самого громкого, сюда часто приходится вызывать наряд спасателей для усмирения отдыхающих сотрудников рудника.

Тридцать первый был на него похож и строился по принципу общежития, а не многоквартирного дома, как наш. Тут жилое помещение состояло из небольшой комнаты и крохотного предбанника, выполняющего роль кухни и коридора одновременно. Там же была узкая дверь, которая вела в санузел, где была раковина, унитаз и душевая кабина.

Пока Денис жарил треску — мы к этому занятию не были подпущены — я огляделась. Всегда удивлялась, как разные люди привносят в свои дома именно свою атмосферу. Здесь жил чистый и аккуратный хозяин. Постель бережно заправлена, солнце мягко и тепло освещает помещение сквозь задёрнутые жёлтые шторы. Окно не занавешено ни одеялом, ни фольгой, которая традиционно появляется у шахтёров на окнах в полярный день и снимается, когда наступает полярная ночь. «Да тут темно всегда, мы витаминов не получаем, вот организм-то и бунтует», — горестно вздыхает иной шахтёр и идёт в магазин за фольгой завесить окна.

На полке у Дениса стояли пузатые, вычищенные до блеска кастрюли и чистые тарелки, пол подметён, пыли нигде нет, на стене висела репродукция картины Васнецова «Алёнушка». Репродукция была не самой качественной, но само наличие картины в квартире было немаловажным: за долгие месяцы вдали от цивилизации душа начинает рваться к культуре и просвещению.

ГЛАВА 25

СИЛА ИНЕРТНОСТИ

Середина августа. До конца контракта оставалось всего ничего. Самая большая скорость вовсе не у света, а у времени. Правильно говорить не «со скоростью света», а «со скоростью времени», причём, чем старше ты становишься, тем быстрее оно идёт.

Тот день прошёл в отделе кадров в борьбе за очередное обещание. Я уже пару недель как исполняла должность переводчи́ка, но до сих пор не подписала соответствующего документа, а значит, денег мне за это не заплатят. Волшебница по ту сторону стола выдала своё любимое:

— Это не штатная должность, никакой ты не переводчик, а помощник воспитателя.

— Ладно, — вздохнула я. — Придётся спросить напрямую у генерального.

— Куда ты?! — завопили мне вслед. — Ты что, Сфинксу звонить будешь?

— Ну да. Документ-то должен быть, а он мой начальник, всё знает, со всем разберётся.

— Завтра зайди, будет тебе договор!

Однако ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю вожделенной бумаги я не увидела, зато увидела новые документы на перевод, причём каждый раз моя работа тщательно проверялась заходом, который даже не знал, что такое «hello».

— Алина, вот ты пишешь тут «уп то» (up to), а я вот проверил тут переводы за прошлые года и такого не встречал. И заключе-

ние письма ты какое-то другое сделала, а это ведь документ для САМОГО! Ну, ты сама знаешь, всё должно быть как надо.

— Хорошо, давайте сделаю так, как вам нравится.

— Не надо делать так, как мне нравится, надо делать так, как правильно, потому что если делать не так, как правильно, то будет ведь совсем неправильно.

Не выдержав очередного акта в театре абсурда, я написала послание Орешко, в котором объяснила, что, пока я не подпишу договор о том, что я переводчик, переводить я больше ничего не буду. И уже через полчаса мне позвонила перепуганная барышня из отдела кадров и попросила в ближайшее время подойти и всё подписать. Пока я его подписывала, она пронзала меня очень говорящим и красноречивым взглядом, впрочем, без толку.

В процессе обычной беготни по разным инстанциям я опять столкнулась с завхозом, курившим на крыльце АБК задумчиво и тихо, как все люди, которые курят уже много лет. Когда-то завхоз уезжал отсюда навсегда, но вернулся назад с первым же чартерным рейсом. В тот год на Украине как раз началась война, и дома, на материке, у завхоза теперь не было ни работы, ни крова, а всё, что у него оставалось — это четыре стены своего обшарпанного кабинета в арктическом посёлке, склад с мусорными пакетами и туалетной бумагой, весьма эфемерная власть над людьми и семья, которой тоже надо было чем-то жить. Говорят, по возвращении он изменился, стал каким-то роботом, винтиком в механизме жизни посёлка. Временами в этом человеке проблёскивало что-то очень человеческое: он мог с пониманием отнестись к какой-то проблеме, подсказать решение какого-то вопроса, но со временем проблески были всё реже, а волнения по поводу туалетной бумаги и пеномоющего средства — всё больше.

Над посёлком раскинулось совершенно голубое небо, тундра уже кое-где краснела и дышала осенью, оленей больше не было

видно, а последние птицы постепенно покидали архипелаг. Такой мы ещё её не снимали.

По дороге нас впервые попробовали остановить за нарушение одного из главных правил, которое мы почти полгода как успешно нарушали. Рядом затормозила машина, откуда высунулось явно подпитое и недовольное должностное лицо.

— Вам нельзя выходить за пределы посёлка. Ну-ка, разворачивайтесь! — объявил он.

Нам больших усилий стоило скорчить удивлённо-расстроенные физиономии и сделать вид, что мы идём обратно, а когда должностное лицо угомонилось и скрылось, мы просто развернулись и пошли своей привычной дорогой.

Кстати. Утром по посёлку вновь разнеслась новость о том, что кто-то видел медведицу с двумя медвежатами. Признаться, я сомневалась, что один и тот же медведь второй месяц терроризирует округу, а горноспасательный взвод не может его отпугнуть. Мне рассказывали историю, как в посёлок приехала одна женщина. Ей, конечно, как и всем вновь прибывшим, рассказали про то, что белых медведей на острове чуть ли не больше, чем людей (что является чистой правдой), и призвали к постоянной бдительности (с чем я тоже совершенно согласна). В то время царила полярная ночь, и, возвращаясь домой с собрания, эта женщина увидела — ну конечно же! — белого медведя. Он сидел у одного из домов и, по всей видимости, отдыхал. Несчастливая не помнила, как быстро она долетела до подъезда, где долго ещё приходила в себя. На следующий день она вышла на улицу — и вновь в том же месте в точно такой же позе увидела медведя и подумала, мол, дай подойду, что-то странно, что он уже сутки так сидит. Оказалось, то и не медведь вовсе был, а рисунок на одном из домов.

На момент моего приезда в посёлок, два бедняги, напуганные рассказами о медведе на том берегу, увидели, как он вальяжно

прохаживался прямо перед ними. Они немедленно вызвали спасателей и только потом поняли, что там впереди не медведь, а безобидная куропатка, — у женщин сработало то ли повышенное чувство безопасности, то ли излишняя пугливость. Конечно, нельзя полностью отвергать наличие медведей на острове, ведь помимо весёлых историй о псевдомедведях есть и другие, с гораздо более печальным концом...

Из-за этих самых слухов, а ещё из-за постоянных дождей и туманов в июле я никак не могла сделать то, что положено мне по должности директора летнего пришкольного лагеря — вывезти учеников в «поход». Не сказать, что я была опечалена, напротив. Для этого надо было разжиться человеком с ружьём, едой из кухни, автобусом и кучей разрешений. София Михайловна велела мне готовить обед детям самой с учителями, но при этом категорически запретила его есть — да, если помните, детям позволялось выбрасывать недоеденное в мусорку, а взрослых за спасение продуктов карали.

София Михайловна показала своё истинное лицо, получив власть. И куда девалась прежняя забота о наших делах? Так, например, я просила только одного из учителей оставаться в школе до пяти часов вечера, а если дети расходились раньше, то спокойно всех отпускала, ведь работы-то не было. Теперь все в обязательном порядке торчали в школе до пяти. Приходить при этом надо было за 20 минут до начала рабочего дня, а когда мы с Сашей пришли всего за 5, получили жуткий разнос в присутствии детей. К тому же нам запретили ходить в магазин в обеденный перерыв, потому что «не дай бог, кто увидит, что учителя днём по магазинам шастают! Увидят — начнут говорить».

Но в один не очень прекрасный день меня всё же припёрли к стенке с «походом». Я выбрала сценарий, гарантировавший минимальные потери: дойти до домика в пешей доступности ря-

дом с посёлком, попить там чаю и вернуться. Однако надо было получить от домика ключ.

— Не дам ключа! Мне самому надо, у меня там мероприятие в два часа будет!

— Так мы до двух-то вернёмся уже сто раз.

— Не дам и точка! Что хотите делайте!

Мои доводы, что я еду с детьми и держать их на холодном воздухе, где, между прочим, медведь может выглянуть, неправильно, не показались товарищу достаточно убедительными (а это ещё же меня в ненависти к детям обвиняли), и я была отправлена восвояси ни с чем.

Но как я уже говорила, наш посёлок не без замечательных людей. Спас меня, кто бы вы думали? Случайно попавшийся по дороге Екайкин.

— Так давай детей в обсерваторию ко мне свозим! Я им заодно и экскурсию там проведу!

И всё действительно прошло отлично. А обед, как оказалось, был никому и не нужен, так что все обошлись чаем и остались довольны.

ГЛАВА 26

ДЕНЬ ШАХТЁРА

Вечером выпал снег. Он налетел, как вихрь, и всё небо, весь воздух, всё пространство сразу наполнилось им и стало белым; через десять минут ветер перестал страшно завывать, всё стихло, оставив за окном белые, как в муке, горы. В воздухе повисла тишина, какая бывает после грозы, но в этих широтах не бывает гроз. Было мирно и очень спокойно; мы с Сашей сидели за столом у окна и смотрели на осенние горы. Всего лишь пару месяцев назад, весной, снег таял буквально на глазах, оставляя замысловатые фигуры на склоне. Утром они походили на огромную гориллу, а уже вечером снежные очертания менялись, и теперь это была не горилла, а заяц. Утром картинка снова менялась. Сиротское арктическое лето закончилось, к концу подходил и длинный полярный день. Это было хорошо заметно по вечерам, когда над горизонтом начинал краснеть закат.

В конце августа в культурно-спортивном комплексе собрался весь посёлок. Повод был соответствующий: День шахтёра. Я могу лишь добавить, что в посёлке даже не отмечается День полярника (хотя тут все сплошь считают себя таковыми), но помня о том, что жили мы в посёлке шахтёрском, очевидно, что празднование этого дня тут является особо крупным и значимым событием. Жизнь здесь достаточно однообразна, и поэтому редкие культурные мероприятия очень важны и нужны, ну а такой день грех не отметить.

В честь праздника у всех был короткий рабочий день, чтобы артисты успели загримироваться, а гости — сходить домой и на-

деть нарядную одежду. В назначенное время в холле КСК была тьма-тьмушая народу и гул стоял, как в улье. Наконец, с лестницы спустилась заведующая комплексом и попросила всех подняться наверх: начинался концерт. В полутёмном зале сидели притихшие нарядные дети — многие из них сегодня выступали, и потому отчаянно волновались — учителя, продавцы, всё начальство и, конечно, герои дня — шахтёры. Они сидели смиренно, со смущёнными и робкими улыбками на лицах, это был их праздник, и весь посёлок собрался, чтобы поздравить тех, благодаря кому существует рудник. На проекторе показали видеоряд из их тяжёлых будней.

Работа в шахтах испокон веков считалась тяжёлой и опасной, вот лично у меня это слово ассоциируется с викторианской Англией Диккенса и с Ван Гогом. Грязь, опасность, нищета, уголь... В попытках связать себя с Церковью Ван Гог отправился в нищий шахтёрский посёлок в Бельгии, чтобы нести там миссионерскую деятельность. Увиденное так потрясло душу художника, что позднее он написал одну из самых своих известных картин — «Едоки картофеля». Вот как он описал её в письме брату Тео: «В ней я старался подчеркнуть, что эти люди, поедающие свой картофель при свете лампы теми же руками, которые они протягивают к блюду, копали землю; таким образом, полотно говорит о тяжёлом труде и о том, что персонажи честно заработали свою еду». Конечно, сегодня жизнь шахтёров изменилась, они живут в комфортных квартирах, с водопроводом, отоплением и светом, но...

На сцене творился фарс. Теперь звучала песня, где говорилось о героическом труде шахтёров, добывающих «чёрное золото» не за деньги, а за идею. На сцену один за другим выходили все начальники, им вручали грамоты и крепко пожимали руки. Впрочем, не буду преувеличивать: пара рядовых шахтёров всё-таки тоже попала в список награждённых. Награждали и кого-то

из учителей, медиков, строителей. В конце праздника один из начальников сказал прямо в микрофон: «С праздником! Ну а денег нет».

После концерта меня кто-то схватил за локоть. Оглянувшись, я увидела Софию Михайловну, она увлекла меня в гардеробную и начала разговор:

— Завтра в десять часов утра вы с Александрой обязаны прийти на главную площадь отмечать День шахтёра.

— Но завтра суббота, выходной, мы никому ничего не обязаны.

— Я всё сказала. Всем быть. Я хочу, чтобы все видели, что учителя тоже работают, а не просто так в школе сидят.

Я смотрела на зелёную полиэстровую блузку Софии Михайловны, на чёрную юбку, которая слишком обтягивала начинающие полнеть бёдра директора, на пальцы с парой тонких золотых колец из советских времён и думала: как всего за один месяц этот человек смог так поменяться? Я помнила, как София Михайловна защищала меня от сплетничающих родителей, как каждое утро она заходила в детский сад и спрашивала, как у меня дела, как я считала, что мне повезло с начальником. Так что изменилось? Положение в обществе? Мне стало грустно, я вежливо попрощалась с Софией Михайловной и вышла из КСК. У входа толпились люди, на лицах у всех сияла улыбка, у них был праздник, я же вышла на улицу ошеломлённая. Неужели накрытый в субботу в десять утра стол с бесплатной едой перекроет крошечные зарплаты, неуважение начальства, этот позорный и унижительный концерт?..

Суббота. Всех пригласили прийти на главную площадь посёлка на пикник. А мы взяли и не пошли. Говорят, с утра там варили шурпу, делали плов и наливали водку. Говорят, праздник был на высоте, и все остались довольны. Ну а мне до сих пор обидно за шахтёров. С маленькой зарплатой, у многих из-за войны даже нет своих домов, зато с шурпой и с водкой в десять утра.

Вечером того же дня мы выбрались на улицу. В посёлке было очень тихо, все отдыхали после пикника. Мы находились на полпути к вертолётке, когда впереди показалась машина. Сворачивать было поздно, да и некуда. Поравнявшись с нами, машина остановилась, в ней сидело всё начальство рудника. Сразу стало понятно, что встреча едва ли сулит что-то хорошее.

Так и получилось: не заглушив двигателя, нас отчитали, как детей. В конце нас попросили написать объяснительные, почему мы выходим без разрешения за пределы посёлка, и уехали, оставив в воздухе лёгкий запах спирта. С того дня гайки были затянуты до упора, нервы были на пределе. Мы лишились возможности гулять и стали ограничены маршрутом «дом-работа-магазин». Жизнь стала практически невыносимой. Единственное, что радовало в те дни, это то, что за окном по-прежнему была Арктика, в которой не было грязи, Арктика, в которой не было лжи, Арктика, которая вечно сияла своим полночным солнцем.

ГЛАВА 27

ОТЧУЖДЕНИЕ

Со злопамятного Дня шахтёра жизнь потекла уныло, хороших моментов становилось всё меньше, и было очень тяжело морально.

Гуляли мы заметно меньше и теперь выбирали маршруты, где точно не проедет машина начальников: пляж или горы. Ремонт в школе достиг критической точки, когда терпеть больше не было сил, — и отступил. На месте снесённых стен высились другие, новые и покрашенные в красивые цвета (которые, к слову сказать, выбирали мы с Сашей), потихоньку туда вносили мебель, но всё было покрыто густым слоем пыли. Близилось первое сентября, а это значит, что начинался новый учебный год, к которому предстояло ещё подготовиться. Рудоуправление выделило нам в один из августовских дней бригаду уборщиц, чтобы они отмыли всё от пыли. Через некоторое время в школу позвонил завхоз с гневным вопросом: «Почему Кузнецовы не отмывают школу вместе с уборщицами?» И то верно, зря он мне, что ли, в своё время целую упаковку «Прогресса» выдал...

Невольно задумываешься о том, что было на Севере раньше и что там сейчас. Открываем книги великих исследователей, писателей, смотрим фильмы и видим прекрасную, дружную атмосферу на станциях, в городах и посёлках, видим отважных героев, бескорыстно и искренне трудящихся плечом к плечу во имя страны, науки и географии. Кажется, что даже их мысли пропитаны потом, работой и радостью от осознания того, где они и чем заняты.

Да я и сама видела Север, к которому люди относятся как к своему дому, то есть, как к величайшей драгоценности, которая только может быть в жизни человека. В походах я, проходя очередной километр по тундре, неся за плечами тяжёлый рюкзак, каждый день просыпаюсь с радостью и жду нового дня, как праздника. Когда я ехала в посёлок, то была уверена, что люди тут должны быть с чистыми помыслами, не запачканными сплетнями, деньгами и завистью. Да, тут такие есть, но есть и другие, совершенно противоположные им, — и эти-то последние из кожи вон вылезут, чтобы дать тебе понять, что жизнь твоя до этого дня была в розовых очках и сейчас ты столкнёшься с правдой. Наверняка так было и раньше, особенно, когда люди ехали в высокие широты за длинным рублём, которого теперь здесь днём с огнём не сыскать. Наверняка и раньше жили тут люди мелочные, алчные и слабые духом, ну а дела вершили герои своего времени: те, кто оставил в истории свой след, и те, на кого сегодня нам всем следует ориентироваться.

Наступило последнее воскресенье перед сентябрём, в связи с чем София Михайловна объявила аврал и обязала всех учителей прийти в школу в воскресенье отмывать кабинеты. Мы опять же проигнорировали это распоряжение. Через три недели заканчивался наш контракт, с каждым днём становилось всё очевиднее, что решение было правильным. Я устала бороться за справедливость и закон и теперь с грустной улыбкой вспоминала свои изначальные намерения: сделать в посёлке турклуб, где я рассказывала бы об истории освоения высоких широт, где люди смогли бы по достоинству оценить землю, на которой живут; постараться привить детям любовь к изучению иностранных языков, к книгам, к учёбе. Волей-неволей я задавала себе вопрос — неужели я сдалась? Ответ всегда находился сам по себе: нет. Я не сдалась и не сдамся. Розовые очки должны рано или поздно разбиться у каждого, хотите вы этого или нет, но это процесс болезненный.

Лишаясь розовых очков, вы начинаете смотреть на настоящую жизнь, и тут она начинает пробовать вас на зуб — сломаетесь или нет. Я думаю, надо во что бы то ни стало терпеть, как бы трудно, как тяжело ни было, ведь только так у нас появляется опыт. И ещё обязательно смотрите за горизонт, вам туда обязательно надо, там ваши мечты становятся вашей жизнью.

Работа в поселковой школе оказалась куда труднее, чем ожидалось. Мои ученики не умели ни читать, ни писать, не здоровались с учителями, опаздывали на уроки минут на 15 и заходили в класс, не извинившись и не попросив разрешения войти, кидали фантики от конфет прямо в кабинетах и размазывали пластилин и краски по полу. Нет, были, разумеется, и другие, умные и воспитанные, но на них времени не всегда хватало. Одновременно мне, как и другим учителям, приходилось вести уроки с несколькими классами, что тоже не позволяло работать нормально и спокойно.

Успокоение по-прежнему можно было бы найти в длительных прогулках, когда, отбросив все дела и проблемы, мы шли по пляжу, на который накатывали ледяные волны фьорда, или забирались в горы и любовались на мир сверху. Чем ближе конец контракта, тем сильнее было желание хоть на выходных никого не видеть и не слышать.

Так настало Первое сентября. У меня было стойкое ощущение, что недавний День шахтёра уменьшился и переместился в нашу школу. Помещение, временно выполняющее функции актового зала, было накануне украшено и убрано нами. Мы поставили стулья, красиво разместили цветы, повесили картонных мальчика и девочку, написали сценарий праздничного концерта, который отредактировала и отрепетировала с детьми другая учительница.

В день «X» в фойе яблоку негде было упасть от счастливых родителей и нарядных детей. Они все прошли в зал, сели на сту-

ля, и тут выяснилось, что на учителей стульев не хватило, поэтому четыре учительницы по-сиротски жались весь концерт в дверях. Были приглашены и звёзды посёлка: завхоз и Пегоусов. Когда настал момент, речь произнесла директор школы, затем вызвали Пегоусова. Он поёрзал на стуле, перебрал руками складки на брюках, вытер потные ладони о колени. Прокашлялся. Оглянулся. И пробурчал: «Но я... но я не готовился!» Пауза тянулась секунд 30, пока чья-то дружественная рука не подтолкнула Пегоусова вперёд. Тот встал спиной к дверному проходу и учителям, огляделся и поздравил учеников и родителей. После него слово взял завхоз. Он точно так же повернулся к учителям спиной и несколько минут, радостно улыбаясь и жестикуюлируя, поздравлял учеников и их родителей. Нет, учителей никто не поздравил, это тут не принято. После концерта мы, четыре учительницы, в платьях и на каблуках, начали расставлять по местам стулья и двигать столы, лавируя между родителями. Мимо проходили крепкие и коренастые шахтёры, рабочие и иные жители посёлка. Некоторые останавливались, чтобы поинтересоваться, скоро ли выдадут учебники и как дела у их детей. Затем кое-кто из старшеклассников всё-таки сообразил нам помочь со столами. Далее мы пошли разрезать праздничный торт, за которым мы с Сашей ходили утром в гостиницу и который я накануне заказывала у шеф-повара посёлка. Детей пришлось уговаривать его съесть. Весь день мы приносили, подавали, разносили и убирали; за весь день никто из руководства посёлка или из родителей так и не вспомнил, что Первое сентября касается не только детей.

День выдался длинный и сложный, и мы еле дождались, когда родители заберут своих детей из школы. Однако в пять вечера у нас осталась одна девочка — новоиспечённая первоклассница. Прошло полчаса, час, наступило шесть часов, но за девочкой так никто и не пришёл.

— Папа, наверное, забыл, а у мамы выходной, ей лень меня забирать из школы, — объяснила ситуацию девочка.

Мы с Сашей решили отвести её домой сами. Дверь квартиры оказалась открытой, мы заглянули внутрь: там царил полумрак из-за задёрнутых штор, из дальней комнаты показалась молодая женщина. Она с удивлением посмотрела сначала на ребёнка, потом на нас.

— Вы дочку забыли из школы забрать.

— А, — спокойно ответили нам и захлопнули дверь.

ГЛАВА 28

ПОРА

Армагеддон начался в субботу. Ночью так завывал ветер, что я проснулась в пять утра и долго не могла заснуть, а утром мы обнаружили, что в посёлке отключили электричество, воду — всё, что делает жизнь в современном арктическом посёлке отличной от жизни в яранге. Одевшись, мы вышли на улицу, с вечера залитую серым осенним дождём. Мы взяли левее и направились по верхней дороге в столовую. Внутри собрался весь посёлок, свободных мест не было, все пили. Помещение погрязло в полумраке из-за отсутствия света, а на раздаче то и дело раздавались крики: «Посуда закончилась!», «Разносы закончились!», «Еда закончилась!»

В очередь к кассе выстроилась толпа смутьянов, все гудели, где-то слышались обрывки диалогов:

— Ну, свет-то должны были уже давно дать.

— Если через пару часов не дадут — пакуй вещи.

— Как пить дать, эвакуируют. Чего творят только, черти такие...

Я представила маленькую вертолётную площадку, очень небольшой вертолёт и огромную толпу поселчан со всем скарбом и ужаснулась: эвакуация стала бы просто невыносимо долгим мероприятием, а нам доработать до конца контракта осталось всего-то три недели!

Вернувшись домой, мы убедились, что электричества, воды и отопления по-прежнему нет, из-за этого было довольно холодно и нам пришлось есть свой остывший обед, сидя в пуховых жилетках. За окном уныло лил дождь, и даже гулять нельзя было

пойти, скучно... Через несколько часов свет всё-таки дали, а затем отключили вновь. Но после опять дали, а ещё позже заработало и отопление: эвакуация, без сомнения, отменилась, и мы вздохнули с облегчением.

Впервые за долгое время мы с Сашей решили пойти гулять в порт. Мы вышли из дома и с удивлением оглянулись: впервые за полгода мы смотрели на тёмно-синее ночное небо. Для Арктики это означало, что подошёл к концу очередной полярный день и на носу полярная ночь, Антарктика, наоборот, готовилась встречать солнце.

А для нас это был конец командировки, конец маленькой жизни. Я окинула взглядом посёлок: в стороне высилось здание КСК, где мы провели столько прекрасных часов и вечеров с Мишей, которые заканчивались неизменным чаепитием в тесной тренерской. Ещё дальше был научный городок, вспомнилась наша эпопея с метеостанцией; сзади возвышались двадцать шестой и двадцать пятый дома, а вместе с ними и оба магазина (продуктовый и хозяйственный), обычно такие недоступные в день привоза... Справа стоял наш крепкий и надёжный двадцать девятый дом. Полгода назад нас высадили из автобуса и мы, таща тяжёлые чемоданы через сугробы, впервые ступили сюда, и всё тогда было таким незнакомым, а сейчас место, ставшее нам на некоторое время домом, светило мягким жёлтым светом из окон, и это резко выделялось на фоне чёрной осенней тундры под тёмно-синим небом. Пройдёт немало лет, прежде чем я забуду завхоза, Екайкина, Софию Михайловну, шахтёров, детей, учёных, Пегоусова, Орешко, но это случится. Зато всегда будут живы мои полгода под вечным арктическим небом. Луч полночного солнца резко выхватил горы и в последний раз осветил горизонт. Скоро наступит полярная ночь. Скоро я вернусь домой.

ЭПИЛОГ

Далеко-далеко на свете есть остров. Остров, где у самого моря живут люди. Море часто беспокойно, и в такие дни дует ветер. Он дует так сильно, что, идя по улице, приходится сгибаться и опускать голову вниз. Он дует так сильно, что двери зданий с силой распахиваются, и их очень трудно бывает закрыть. Он дует так сильно, что иногда ты просто летишь, гонимая им в спину. Ветер дует осенью, зимой, весной и коротким северным летом. Бывают и ясные дни: тогда над горизонтом простирается низкое синее небо и на северо-западе видны скалистые острова. А иногда остров окутывает туман; в такие дни он всюду: спускается мягкой ватой с гор, заходит в дома через открытые окна, прячет под собой горизонт. Мокрой серостью он обнимает остров, и в такие дни люди стараются не выходить из дома, но если уж приходится, то они идут быстро, буркая короткое «здрасьте» редким прохожим и спеша вновь оказаться в тепле и под крышей. В любую погоду, в любой сезон неизменно на острове одно: небо, такое низкое, что его можно безо всякого труда погладить рукой. И ни столетия, ни климат, ни люди этого не изменят. Последние тут кстати самые разные: маленькие и большие, важные и не очень, любопытные, безразличные, добрые и с характером, друзья и просто знакомые.

Никогда, ни на одно мгновение не сомневайтесь: дальше у вас всё будет хорошо! Сейчас, когда я сижу в своей московской квартире и морально готовлюсь к следующей экспедиции, я испытываю то же, что и несколько месяцев назад: радость от

осознания того, что в истории моей жизни есть такая удивительная глава — Арктика. Там было и плохое, и хорошее, и оно меня изменило, как новое меняет привычное. Ни на одну секунду я не пожалела о том, что сделала это, и, будь у меня возможность начать всё заново, я повторила бы всё опять.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Внезапное исполнение мечты	6
Глава 2. Через тернии к сугробам и оленям	11
Глава 3. Ожидания и реальность	19
Глава 4. Два рёвы, один тайфун и другие неприятности ...	22
Глава 5. Занимательное краеведение	29
Глава 6. Сила сарафанного радио	34
Глава 7. Свой среди своих	41
Глава 8. О спорт, ты — мир!	46
Глава 9. Новый вызов	48
Глава 10. Тени великих	53
Глава 11. Пицца духовная	56
Глава 12. Екайкин	59
Глава 13. Языковой барьер	63
Глава 14. Арктическое гостеприимство	66
Глава 15. День обновления и урок от моржа	70
Глава 16. Бездна отчаяния	74
Глава 17. «Вас много, я одна»	82
Глава 18. Сфинкс и ловушка для директора	88
Глава 19. Миша, яхта и наука	94
Глава 20. Борьба за власть	100

Глава 21. Вылазка, уплывающий сапог и минутка кулинарии	109
Глава 22. Распутье	115
Глава 23. Поворотный момент	121
Глава 24. Денис	127
Глава 25. Сила инертности	130
Глава 26. День шахтёра	135
Глава 27. Отчуждение	139
Глава 28. Пора	144
Эпилог	146

Литературно-художественное издание

Алина Кузнецова

Полночное солнце

Выпускающий редактор: *В. Митюкова*

Редактор: *Е. Игитян*

Корректоры: *Е. Игитян, И. Воробьева*

Компьютерная вёрстка: *А. Дятлов*

Дизайн обложки: *Е. Васильева*

В оформлении обложки использована картина
А. Кузнецовой «Перелётные птицы»

*Знак информационной продукции
(Федеральный закон №436-ФЗ 29.12.2010 г.)*

Подписано в печать 11.03.2019 г.

Формат 60×90/16. Гарнитура «Caslon 540 BT».

Усл. п. л. 9,3. Тираж 100 экз. Заказ №

Адрес электронной почты: info@delibri.ru

Сайт в интернете: letmeprint.me

ООО «Де'Либри»

109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23, стр. 1

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

www.t8group.ru; info@t8print.ru

тел.: 8 (499) 332-38-30